

18+

СТАНИСЛАВ МАЛОЗЁМОВ

ОТ ДОРОГИ И НАПРАВО

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Станислав Малозёмов

**От дороги и направо.
Документальная повесть**

«Издательские решения»

Малозёмов С.

От дороги и направо. Документальная повесть / С. Малозёмов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986277-8

Увлекательные и забавные, иногда опасные, иногда весёлые приключения начинающего журналиста в командировке по городам и сёлам возле берегов Волги и Оки. Ситуации, в которые он случайно попадал, и люди, повстречавшиеся на его пути, всего за месяц изменили в лучшую сторону его представления о жизни.

ISBN 978-5-44-986277-8

© Малозёмов С.
© Издательские решения

Содержание

ОТ ДОРОГИ И НАПРАВО	6
ПРОЛОГ	7
Глава первая	8
ГЛАВА вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	39
Глава седьмая	48
Глава восьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

От дороги и направо Документальная повесть

Станислав Малозёмов

Фото на обложке Станислав Борисович Малозёмов

© Станислав Малозёмов, 2020

ISBN 978-5-4498-6277-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ ДОРОГИ И НАПРАВО

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Приключения молодого журналиста в вынужденном путешествии по Волге и Оке

ПРОЛОГ

Любители и ценители забавных историй, не о своих злоключениях, приключениях и пёстрых похождениях с относительно безобидным концом, сейчас будет вам желаемое. Сядьте пока удобнее возле компьютера, лучше полулёжа, с подушкой под локтем. Мышку держите нежно как ложку и зафиксируйте расстояние 35,4 сантиметра от экрана до глаза, которым будете лениво читать. Так и пальцы целее будут, и история моя в голову вам проскочит без осложнений и отвращения.

Будет сейчас почти мемуар, так как по возрасту я уже почти обязан его писать. А то когда дуба дам или сыграю в ящик, мировая общественность сурово заклеит покойного: – Где, мол, у бывшего писателя положенный мемуар? И это может бросить пыльную тень на всю мою семью, включая неповинных внуков.

Глава первая

Злоключения мои древние. Образца 1977 года. И как раз именно тем они полезны для раздумий, что сейчас-то, всё уже очень совсем по-другому. И если, не дай Бог, с вами или со мной судьба решит станцевать ещё раз такой же краковяк вприсядку, то вряд ли мы потом будем историю эту вспоминать как забавную. А будем плевать и, возможно, выражаться нецензурно. У кого это хоть и вопреки врожденной интеллигентности, но отлично получается.

Короче, я оттянул свой срок от звонка до звонка в московской Высшей Комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, куда меня, не спрашивая, воткнул в 1975 году, уже после армии и института, могущественный тесть, секретарь Обкома партии г. Кустанаея. Он отправлял свою дочь в Москву, в аспирантуру, а меня, зная мою фонтанирующую в разные стороны сущность, оставить одного в Кустанае не отважился. И снарядил меня в ВКШ, где готовили комсомольских вожаков, лидеров и руководителей горкомов, райкомов и прессы.

Мне неожиданно принесли домой партбилет члена КПСС, куда я не вступал как положено, с клятвами и допросами комиссии о лояльности к святой партии, но без которого в ВКШ не брали даже по блату. Потом мы торжественно провели прощальный семейный ужин и отбыли с супругой в столицу нашей здоровенной тогда Родины.

Ехать я не хотел. Потому как в 1949 году с радостью в Кустанае родился и разнообразно жил, неожиданно для всех, включая себя и жену, женился. Здесь я с 7 лет тренировался и часто выигрывал соревнования по легкой атлетике, и уже имел 1 взрослый разряд. В Кустанае я после армии поступил в институт на факультет иностранных языков и параллельно, выбив у ректора свободное посещение, штопором ввинчивался в работу областной газеты, где долго уже работал мой отец. А когда окончил институт, меня сразу приняли в штат редакции на смешную, но зато свою зарплату. Я очень сильно хотел стать журналистом. Писал и заметки о близлежащей действительности, а потом начал много ездить по городам и деревням, узнавать неизвестное и писать. Изучать, в общем, обыкновенную советскую действительность. И вот через год мой высокий скоростной журналистский полет подстрелили безжалостно и точно в сердце. Насильно обратили меня снова в студенты. В ВКШ я по новой наточил зубы и стал без энтузиазма отгрызать кусочки гранита совсем других наук.

И вот что любопытно: в Москве мы с женой так же легко и не горя, совершенно без причин почти сразу разошлись. Получилось даже легче, чем поженились. Наверное, любви и не было, просто дома перед родителями надо было держать фасон и являть собой пример для подражания. Тогда было такое время и полу пуританские нравы в «порядочных» семьях.

И когда я закончил отношения с женой и ВКШ, то на другой же день утром со спортивной сумкой, в которую влезла вся моя жизнь за последние 2 года, в последний раз вышел за трехметровый кованный забор элитнейшей политической школы. И перед носом сразу согнулся огромный вопросительный знак. Надо было куда-то переместиться, а там жить и работать журналистом.

Меня направили в казахстанскую «Ленинскую смену», но мне она тогда не нравилась и я решил туда не ехать. Мой друг по ВКШ и до сих пор по жизни Сергей Петрович Рыбаков тогда сказал:

– А поехали, Стас Борисыч, ко мне в Калинин (теперь снова Тверь). Там оба и приткнемся куда-нито. Батя поможет.

Отец у него был полковник, обросший уважением за доблесть в заграничных секретных операциях. Потому имел хорошие связи с главными управляющими народом города Калинина. Ну, поехали в Калинин.

Полковник кому-то позвонил, после чего мы неделю болтались по городу, катались на каруселях и качелях, ходили в какой-то угрюмый музей и липли к гуляющим девчонкам.

Через неделю выяснилось, что в Калинин журналистов своих не знают куда сунуть, не то, что приезжих. Но зато совсем недалеко, в городе Горьком (сейчас опять – Нижний Новгород) есть замечательная комсомольская газета. Тоже, естественно, «Ленинская смена», а в ней главный редактор нас ждет с целью обнять, приласкать и погрузить в увлекательную репортерскую работу на территории Горьковской области.

Друг в Горький ехать не захотел. Не любил он этот город. И я двинул туда один. Других вариантов не было.

Главный редактор принял меня как брата, который откинулся с зоны. Он видел во мне мученика безбожной комсомольской дрессуры и будущую жертву номенклатуры КПСС. Он бегло и строго просмотрел мои публикации в «Комсомольской правде», где я два года был на практике, и сказал чётко, как печать шлёпнул:

– Москва, она журналиста не стоговит как надо. А мы тут на земле стоим. Знаем – когда вертеть нос по ветру и художественно отобразить окружающую темень.

Говорил он это, усиленно напирая на букву «О». Было это крайне необычно и этим завораживало.

Берем мы тебя. Пока на 80 рублей (это сейчас в переводе на тенге – тысяч 35) Давай мне паспорт. Пусть полежит у меня пока ты сгоняешь в установочную командировку. Пиши бегом заявление. Деньги я тебе даю из своего кармана на недельную поездку по городкам и сёлам вниз по Волге, да вверх по Оке. Напишешь пять-шесть репортажей. Дашь мне. Если всё будет путём, сразу оформляешься официально через отдел кадров. Паспорт вот тут забережь, в сейфе. И работай тут хоть до пенсии.

И вот я поехал. Еду, точнее плыву. Нет, неправильно. ИДУ на катере по мелкой волне большой реки Волги по правому берегу до первой своей пристани, где мне надо сойти и пёхом достичь города Чкаловска, посетить музей Чкалова и вынести из него 150 строк репортажа. Если успею, надо забежать на завод шампанских вин, снять пяток фотографий с производства.

Я до этого ни по Волге, ни по Оке не сплавлялся ни на каком виде водного транспорта. Мало того, я в этих краях сроду никогда не был и две эти могучие реки видел только в киножурналах. А в них никогда не находилось места для городков, деревенок и обыкновенных людей, не героев прошлого или настоящего времени. Естественно, ни порядка тутошнего, ни уклада жизненного в местном провансе я не знал, да и не думал об этом. Мне и в голову прийти не могло, что русские в Москве или Владимире – это далеко не те русские, которые в волжской глубинке или в прибрежных дебрях Оки.

Катер как-то боком, бурля потише винтом, подкрадывался к пристани. Она была вся сколочена из досок разной толщины и покрашена явно творцом импрессионистских иллюзий. Сама будочка дежурного по пристани была размером со спаренный туалет «М» и «Ж», но с окнами по всему периметру для обзора событий. И крашена будка была бело-синим цветом. Под тельняшку. А тётка в будке сама сидела в маловатом для неё тельнике и в руке у неё был желтый мегафон, сквозь который она заунывно напоминала, что сейчас катер причалит.

Получилось так, что на пристани вышел я один. Перед глазами слева от будки торчали прибитые к перилам рейки, задранные стрелками вверх, потому как берег нависал над пристанью примерно с высоты метров пятнадцати. Пристань с большой землей была скреплена тоже сине-белыми сходнями, лестницами с перилами и наклеенными на перила объявлениями. Я прочитал только одно. Городу Чкаловску требовался почтальон с собственным мотоциклом для развозки посылок по району. Больше про Чкаловск не было ни слова, ни стрелки-указателя.

Путешествие по сходням вверх – это разговор отдельный и в моё описание не влезет ни по эмоциям, ни по размеру. Наверху не было никого и ничего кроме леса километров в трех, лога глубиной в рост дяди Стёпы-милиционера. Лог был цветаст настоящим разноцветным благоухающим ковром. В него спускалась протоптанная тропинка, затушевывалась травами на дне и выныривала на поверхность, которую только сам Создатель мог так разрисовать колокольчиками, подсолнухами и похожими на летний снег густыми зарослями ромашки.

Катер внизу свистнул как маленькая птичка, тетка что-то важное проорала в мегафон и стало тихо. Молчаливо, как на поминках, когда ещё никто не выпил за упокой души. Я огляделся и метрах в ста от себя засек пацана с велосипедом, у которого колёс не было либо натурально, либо они утонули в цветах. Пацан стоял не шевелясь и был похож на гипсовый памятник пацану с волжского берега.

Я продрался сквозь живой букет колокольчиков и понял, что колеса у велосипеда есть, а пацан не гипсовый, а вполне живой, хоть и неподвижный.

– А где тут Чкаловск? – дернул я за штанину велосипедиста. – Может, подбросишь на велике?

Мальчик повернул ко мне только лицо и, окая по-волжски, протяжно и лениво как гудок парходика пропел:

– Чика-лооовск? Так он тута близехо-то, Чи-ка-лооовск! Он туда ты иди, ото ж и доо-йти-то пустяшно дело-о!

И при этом он перехватил велосипед другой рукой, а свободную протянул, растопырив пальцы, прямо на лес.

– Он чего, в лесу стоит, Чкаловск? – удивился я.

– Сам ты в лесу стоишь. – обиделся пацан. – Чи-ка-лооовск, он жо он оноо где, поза-лесо-оом зараз.. Я бы довез на рамке, да жду «ракету». Брат идет рыбу глушить. Не могу, стало-оо быть.

И я пошел через ромашковое поле на лес, за которым сокрыт городок, родивший неповторимого летчика всех времен и народов.

Добрел я до Чкаловска часов через семь, ближе к вечеру, поскольку юный велосипедист, видимо, пошутил. Или, может, я ему не понравился просьбой подбросить до города на рамке, а велосипед было жаль перегружать дополнительным туловищем.

В городке я удачно переночевал в десятикомнатной гостинице всего за 50 копеек, а с утра до обеда с помощью чуть ли ни всего местного начальства, уважающего прессу по партийной установке, сделал всё, зачем приплыл. Надо было ехать дальше. В город Городец. Я специально сейчас ничего не рассказываю о городах и сёлах, куда меня заносила воля редактора молодежной газеты, потому, что это совсем другая тема. Да и рассказам этим размер – хоть и не сильно, но всё же толстенькая книжка.

Я о приключениях и злоключениях пишу, из которых меня вытаскивали добрые люди.

Городец стоял на левом волжском берегу. На 27 километров ниже. Я сполз по сходням, сделанным добротнo для самоубийц. Делать самоубийце ничего не надо. Просто сойди на первую ступеньку сходней, а там, внизу, примут твой свежий труп. А совершенно безопасны сходни только для очень пьяных, которым и страхи неведомы, и травмы не болят при постоянной спиртовой анестезии.

Тетка в будке была уже другая, но в том же тельнике, который её не так уродовал, как сменщицу. На левый берег отсюда заворачивала только одна «ракета» на подводных крыльях. Причаливала она сюда на пять минут вечером, в 19.00 московского времени. То есть, торчать возле полосатой будки с орущей временами тёткой мне было отведено расписанием движения плавсредств ещё часов пять. Я сел на нижнюю ступеньку сходней, достал ручку и лист бумаги, пристроил лист на портфель и начал в прямом смысле на коленке писать репортаж из музея Чкалова. К приходу «ракеты» я его сочинил. Получилось вроде бы нормально. Билет до Городца я купил давно и он пять часов мялся в заднем кармане штанов вместе с деньгами и серьёзной редакционной бумагой, почти приказывающей всем оказывать мне всяческое содействие и везде пропускать. Сверху бумага имела солидный редакционный трафарет с адресом, но без телефонов, а внизу как синяк после отчаянной драки набухла от букв внушительная печать.

В Городец почему-то население плыло с большой охотой. Человек двадцать с хозяйственными сумками и серыми мешками, чем-то набитыми под самую веревку. А, может, им куда-то ещё дальше надо было – я у них не спрашивал.

Шли мы по центру Волги. Огромная, отливающая матовым пламенем заката река. Закат расплзался по темно-серой плавной волне, под которой физически чувствовалась глубина и безумство течения.

Я пошел на палубу, облокотился о низкий борт из толстой нержавеющей стали и увлекся рассеянной крыльями водой. Она вылетала из-под крыла свистящим желтоватым пластом и через пять секунд рушилась позади кормы, будто её бросили прямо с неба. Рядом со мной примостилась парочка влюбленных. Девушка беспрерывно смеялась, а парень без перерывов шутил. Из-за шума движения слышны были жалкие огрызки фраз и смеха. Потом девчонка подошла

ко мне слева и, надавив грудью на мою руку, закричала, побеждая все другие шумы: – Ты в Гоороодец, ай куда дальше?

Я еще не успел ничего мяукнуть, как с другой стороны парень обнял меня за плечо и тоже заорал как глухому: – Городец ништяк деревня. Пряников там попопробуй печатных. Таких бооольше во всём мире нет.

Потом они снова засмеялись, он взял её за талию и они, подпрыгивая в такт «ракете» на волне, пошли на широкие сиденья из полированных реек. Я достоял у борта, ловил ртом брызги и вытирал слёзы от ветра.

В Городце оказался очень цивилизный причал. Ровные доски, красивая голубая краска без белых полос и пристань безо всяких архитектурных излишеств. На досках прочно стоял сборный из дюралюминия павильончик со стеклами, за которыми видно было кассу, буфет и штук пятьдесят стульев, аккуратно обтянутых рыжим дерматином. Я поднялся по удобным сходням на низкий берег, на котором стоял автобус ПАЗик и ждал пассажиров с «ракеты». А она уже отсвистела руладу и задним ходом, ныряя кормой в волну, разворачивалась от пирса в следующий путь.

И вот как раз с этого места начались мои злключения, приключения и неожиданности. Хорошие и не очень. Я полез в карман, чтобы заплатить кондуктору, но в кармане не было ничего, кроме разреза сверху донизу. Паренек на катере обнимал меня с пользой для себя и подруги. Видно, такая у них была работа. Сделали они работу красиво. Я остался без копейки и без волшебной бумаги от редакции, которая как ксива депутата Верховного Совета открывала все двери и помогала вершить дела с предельной скоростью, и исполняла любые желания. Очень чттили в то время прессу и в народе, и выше народа.

Что и как теперь будет без денег, этой бумажки и паспорта – я даже не пытался представить. Потому как жуткая сразу же рисовалась жизнь рабочая и прочая.

ГЛАВА вторая

Кондуктор, веселая смешная тётка лет пятидесяти, в темно-синей униформе, включающей в себя берет, из-под которого, как перепуганные колдобистой дорогой, торчали в разные стороны рыжие, похожие на пружины кудри. Она подошла ко мне и спросила громко хихикая:

– Чё-о, не зорооботал и пятака?

Я встал, повернулся к ней карманом на глаза, сунул в карман руку и выставил руку в дырку.

– Вот. Вырезали недавно на «Ракете». И деньги, и бумагу – удостоверение личности. Незаметно.

– А то-о о-они у тебя роо- зрешение забыли попроосить! – заржал пискляво мужичок из конца салона. – У нас тут с этим дело-ом, коорманы да сумки-то подрезать, ух какой пооря-доок!! Не заскучаешь шибко-тоо!

Кондукторша оценила дыру в кармане высоко.

– Оот же паразиты паразитские! – с отвращением хмыкнула она и поправила берет. Рыжие пружинки тут же станцевали энергичный танец. – Ладно, так ехай. Не проопадет автоопарк наш без твоего-о пятака-то-о. Ехай, ничего.

– Спасибо, – сказал я. – Мне теперь в Городце и делать-то без бумаги от редакции нечего. Кто со мной возиться будет без документа? На лбу же нет печати от редакции.

– А, так ты корреспондент? – изумилась с переднего сиденья блондинистая дама в белой юбке и кедах на босу ногу. Рядом с юбкой стоял детский новенький самокат. Руль у него был обмотан толстой серой промасленной бумагой, стянутой бечёвкой. – Такой мооло-одезькоой, а уже корреспондент. С какой газеты будешь-тоо?

– С «Ленинской смены», – сказал я грустно. – После учебы первая командировка. Считаю, завалил работу. Значит, можно обратно ехать, сдаваться и увольняться.

– Ты этоо, погоди увольняться-тоо, – улыбнулась дама в кедах. – Как приедем, ты пойдя в исполком, он в центре города, не проооохнешься. Найди там в шестом кабинете О-о-городникова. О-он там да полуночи сидит. Скажешь, что-о Марина Сергеевна, художница, просила поодмоогнуть. У тебя дело-ов- то-о на сколько дней?

– Да дня на два. Может, за день уложусь, – мне стало неловко. – А он кто, Огородников?

– О-он? – художница взяла самокат и пошла к выходу, – О-он там туз бубно-овый, в исполкооме, хоть и не председатель. Ты иди. И привет от меня передай.

Водитель остановил ПАЗик у самых крайних домов и открыл дверь, хотя его и не просили. Марина, значит, ездит тут всегда.

– Я тебя к исполкоому-то по-одброшу, – шофер закурил короткую папироску и тихо засвистел какую-то незнакомую мелодию. – О-они там все чоо-окнутые. Сидят до но-очи. Как сиротки. Вроде и семей у них нету.

– А зовут его как? Забыл спросить Марину Сергеевну, – я оглянулся. Может, кто знает.

– Владимир Андреич, – закончив затяжку, выдохнул водитель. – Муж моей сестры двоюродной. Маринка ему сто-ол расписала в кабинете, да стулья. Хоть продавай. Красо-ота такая!

Он открыл дверь прямо напротив двухэтажного дома, большого, но похожего на игрушечный. Весь он был в вензелях, с резьбой орнаментной, выточками стамеской вокруг окон. И покрашен был строгой тёмно-зеленой матовой краской.

Я легко нашел Огородникова. Передал привет от Марины, про себя рассказал, про своё приключение. Огородников сказал, что фигня это всё. Деньги, пропали, бумага. Вот когда совесть пропадет и ум какой-никакой, это худо. Договорились завтра с утра везде объехать вместе с ним на его мотоцикле. Тогда за день управимся.

– А на работе вас хватятся? – сказал я глупость, видно, несуразную.

Огородников пожевал губами, матюгнулся вполсилы. В адрес работы, похоже. Потом показал мне стол свой и стулья с исключительно сказочными рисунками прямо по полировке, чего не могло быть в принципе. Никакая краска не ложится на полировку.

– Гениально сделано! – искренне восхитился я, потому, что в жизни такой декоративной красоты не встречал. – А что за краска? Как она на полировке улеглась?

– Маринка сама краски делает, – засмеялся Владимир Андреич. – Она ими хоть во-оздух по-окрасит, хоть во-оду на Во-олге. Талант у бабы. Я ей говорил, что-об в Москву ехала. Там бы её с руками ото-орвали, миллионершей бы стала или каким-нито-о лауреато-ом. Нет же, не хоочет. Дура, в общем.

Я вспомнил сразу же Москву, содрогнулся внутри от поднятого чувствами ощущения нелепой и чрезмерной людской мешанины и порадовался за Марину, которая туда не поехала. В Москве можно только раствориться как кофе в чашке. А вынырнуть из этого раствора на заметное место, где тебя обнимут, поцелуют и озолотят – очень проблематично. Нереально просто. Если, конечно, не произойдет чуда, которого, как все знают, в жизни для обычного, не наглого человека, не бывает.

Потом мы с ним попили чай из термоса. Съели по паре бутербродов с пахучей местной колбасой, какую жена завернула ему в хозяйственную толстую бумагу. А потом он повел меня в клуб. Ночевать. До гостиницы далеко. Да и у него тоже денег с собой не было. В клубе сторож Витя, парень хромой и однорукый, взял раскладушку, мне всучил матрац и одеяло с маленькой подушкой. И отвел меня в бильярдную. Я разложил раскладушку между столами, кинул матрац, упал на него с высоты роста и каким день будет завтра просто не успел подумать. По моему, уснул я ещё в полёте на раскладушку, так и не укрывшись одеялом. День прошел.

С утра я голодным себя не чувствовал. До девяти часов оставалось ещё море времени. Надо был глянуть – что за городец – этот самый Городец. Получилось так что я сразу наугад двинул в старый город, где половина домов – или музеи какие-то, или сами – экспонаты древности. Я много не буду рассказывать про Городец. Потому, что получится отдельная не очень худенькая книжка. Это уже в следующий раз. Может, и напишу. Но если коротко, то таких милых, уютных и похожих на добротную декорацию для красивого мультика городков и деревенок я никогда не видел ни до, ни после. Город этот старинный, можно сказать – антикварный. Он практически ровесник Москвы. В 1152 году его основал сам Юрий Долгорукий. Потом его и палили, и разваливали разные монголоидные орды вроде воинов Батыея, и волжские булгары, и свои родимые, но завистливые русаки. Но Городец отстраивали таким же, каким он был до разорения, мастеровые мужики, которые умели всё. Как получилось, что в одно место на Волге судьба-индейка собрала, сгрудила и повязала общей любовью к Городцу великое множество талантливых мастеров – не могут объяснить и сейчас. А тогда об этом и не думал никто. Говорили практично, без шансов на возражения: – Такова воля Божья.

Скорее всего, так оно и было. Потом по дороге из Золотой орды в Городец привезли почти умирающего великого Александра Невского. Вскоре он совершил здесь все положенные церковные обряды и помер. А править городецким княжеством стал один из сыновей Невского – Андрей. Андрей Городецкий. Правил он долго, до самой смерти, и успел много хорошего сделать. Он и превратил простой забубенный городишко, каким по Руси и счёту нет, в единственный в своем роде Город Мастеров. Здесь родился и жил учитель и наставник самого Андрея Рублёва, иконописец старец Прохор. Это мне вчера, пока ели колбасу, Андреич быстренько рассказал.

Потом Городец снова сожгли и он пропал из русской истории надолго. До тех пор, пока сам Иван Грозный не разделил Русь на опричнину и земщину. В земщину вошел и Городец. То есть он стал не целиком подневольным и некая свобода снова собрала в нём лучших из лучших мастеровых людей со всей Руси.

А с конца XVIII века Городец считался центром деревянного судостроения, хлебной торговли, выпечки печатных пряников, он был главным местом сбыта кустарных изделий из дерева – так называемого «щепного товара» Деревянной посуды, игрушек прялок, блочных резных узоров для подкрышников, окон и ставен, ворот и конька крыш. И постепенно одел в них все поволжские и приокские города и деревни, а потом и чуть ли не всю Россию. В общем – заметным на русской земле и цивилизным стал многострадальный Городец. И таким же он был тогда, в 1977 году, когда моя раскидистая как береза жизнь мотала меня свежими ветрами великих рек по заповедным краям Руси.

Я с горем пополам, с вопросами к ранним прохожим, пробился по узеньким улочкам мимо раскрашенных в разные веселые цвета домов и домишек к исполкому. Возле него стояло три грузовых машины, «волга» и мотоцикл Владимира Андреича. Он, похоже, увидел меня из окна и тут же вышел с такой же коротенькой папироской в зубах, какую я уже видел у шофера автобуса.

– А что это за папиросы? – спросил я, не поздоровавшись. – Странные. Не видел таких.

– Так «Север» же! – Андреич пожал мне руку. – У нас все почти его курят. Бело-омор хуже. Соолоомой отдаёт. А эти целиком из хо-орошего дуката, без примесей.

Поехали. За два часа мы съездили на завод печатных пряников, похожих издали на книжки одного цвета. Собрался в цехе весь коллектив. Корреспонденты местные, видно, любили и завод, и пряники. Мне дали съесть один с тисненным поверху рисунком. На картине пряничной была церквушка небольшая в орнаменте из витых лент с надписями. Рисунок был рифленый и напоминал барельеф. Не читая надписи, я лихо сметал пряник, хотя размером он был с мой институтский диплом, но раз в пять толще. Глядя на мою довольную рожу, пряничных дел мастера дружно и громко засмеялись. И дали здоровенный стакан малинового компота. Запить пряник.

– Ну, как продукт? – весело спросил Андреич, когда прянику пришел конец.

Когда я промычал, дожевывая, что-то восторженное и поднял сразу два больших пальца вверх, все снова радостно заулыбались.

– Вся Россия ест наши пряники, – похвастался директор заводика. – Туляки ещё лепят да пекут. Но...

Он сделал комичную гримасу, выражающую чуть ли не сарказм.

– Ну, правильно, – подумал я цитатой из Ильфа и Петрова, и глотнул остаток компота. – Разве «Нимфа» кисть даёт, туды её в качель.

– Пойдем, покажу как мы их печем-печатаем, да разные росписи по пряникам посмотришь. Заодно и технологию расскажу.

За два часа я всё отснял, всё, что надо записал в блокнот, после чего мне пряниками забили весь портфель и дали ещё бумажную сумочку с веревочками. Внутри лежал толстый как «Война и мир» экземпляр, который я должен был поставить на видное место дома как скульптуру. Потом его можно было съесть хоть через год. Городецкие пряники не сохнут вообще.

Не описываю нежное дружеское расставание с коллективом. Места мало.

Потом по графику мы поехали на фабрику прялок. Надо было снять как можно больше красивых росписей по основанию прялки и записать беседу с главным инженером, который сам придумал лет двадцать назад какую-то хитрую и мощную технологию их изготовления без гвоздей и клея. На клиньях. Служить такая прялка должна была минимум пяти поколениям. Этим всем я наслаждался по уши за полтора часа. Роспись была не похожа ни на какую из известных мне до этого. Она имела золотисто-красно-желто-черный рисунок, напоминавший разные орнаменты на коврах. Одинаковых рисунков я не нашел даже двух.

– На выставке в Нижнем мы берем только первые места. Каждый год, —

тихо сказала сзади Марина, знакомая из автобуса.

Я всё-таки силился вспомнить, на что похожа роспись. На Палех, на Хохлому, на Жостово? И понял, что нет. Это была уникальная и неповторимая игра цвета, орнаментов, крепкая и логичная дружба красок и лакированного дерева.

– Надо по-обедать, – Владимир Андреич глянул на часы. – Пельмени будешь? Нигде бо-ольше нет таких пельменей.

Пряниками аппетит я перешиб как кувалдой напололам, но мысль о том, что в следующий раз поем нескоро, а то и вообще обойдусь без ужина волей непредсказуемой судьбы залётного чужака. Поэтому с оптимизмом согласился, хотя есть за чужой счёт было неловко и совестно. Андреич как вроде вычитал из моей головы эти мысли и сказал, что, во-первых, я гость, а во—вторых, в следующий свой приезд пельмени – с меня.

Пельменная была в старом городе. По бокам от меня просвистели мимо кукольные дома, желтые и ярко-красные крохотные палисаднички с космеей и мальвой, серебристые колонки, подающие воду, и такие же разноцветные люди, которые одевались так пёстро, будто жили в Сочи или Анапе. Мне подумалось, что их провоцирует на такое буйство красочных одежд близость хоть и не морской, но большой воды. Пельмени были огромные. В порции – пятнадцать штук. Они были желтоватые от замеса на большом количестве яиц, тугие, как теннисный мяч и усиленно пахли мясом сквозь тесто.

– Это они только здесь такие огромные? – спросил я робко. – У нас манты такого размера. Это не манты, нет?

– Манты? – переспросил Андреич, откусывая от пельменя. – Ты не русский, что ли?

Я минут пять рассказывал ему, что русский, но из Казахстана, сказал где учился, что устраиваюсь в нижегородскую газету.

– Ты ешь, а то остынут, – посоветовал Андреич. – Казахстан – хорошее место. Там, говорят, яблоки растут с голову размером. Манты едят, беспармак, что ли, конину. Как вы её едите – конину?

Пока в процессе уничтожения гигантских пельменей я ему втолковал, что таких яблок больше нет, извели, повырубали яблони «апорт», что манты варят на пару и внутри кроме мяса – тыква и курдюк, что конина – замечательный дорогой деликатес, пельмени незаметно скончались. Мы запили их чаем и поехали дальше, в последнюю точку, нужную мне – на судо-верфь.

Но там нам не очень повезло. Добрались до затона, где судоремонтный завод. А дальше него, и выше и ниже было много разных отдельных предприятий. Андреич о чем-то долго говорил в проходной по внутреннему, размахивая при этом рукой и напрягая голос. Потом он пришел обратно к мотоциклу, закурил и добротнo матюгнулся.

– Ну, короче, дальше не пускают. Дают посмотреть, как делают паромы, речные трамвай-чики и баржи-сухогрузы. Всё, что из дерева и металла. А самое интересное у них вон там.

Он протянул руку вперед, да так торжественно, как Владимир Ильич на памятниках показывает в сторону светлого будущего.

– Там работают на во-оенных. Делают до-оки из железообетона, причалы для ко-ораблей и подво-одных лоодок. Вот, жмоооты, мля...

– Да мне хватит про паромы, да речные трамвайчики. Про военные тайны в редакции не упоминали. Ну, в смысле, чтобы я их раскрыл, – легко успокоил я Андреича. И мы пошли на верфь. Через час репортажный материал, образно говоря, аж из сумки вываливался. Много было материала. Больше всего мне понравилось как строят паромы большие и крохотные, для малых переправ.

Я сделал всё, что планировал ухватить в Городце и вяло доложил Андреичу: – Теперь мне надо в обратный путь, в город Павлово-на-Оке.

– Это-о далеко-о, – сказал он, доставая свою смешную папироску. – Это теперь ты только вечером поздно туда дойдешь. Хотя «ракета», конечно, не трамвайчик речной. Ладно, забежим на пять минут в музей самоваров и поехали на пристань.

Музей, красивейшее здание из дерева, да всё в деревянной резьбе, да раскрашенное какой-то неожиданной бирюзово-голубой краской, оно само-собой уже просилось в анналы шедевров зодчества, но когда мы вошли внутрь, я натурально обомлел и минуту стоял с открытым ртом и, по-моему, даже не моргал. Вокруг нас на витринах пузато и гордо, в ряд по одному красовались самые разные самовары. Там были экземпляры старые и современные, маленькие и огромные, медные простые, красно-медные, никелированные, а ещё сделанные из заменителя серебра, отполированные до блеска золота самовары из тонкой, почти желтой меди. Всё это великолепие сделано было в разное время разными городецкими умельцами не для музея или выставок, а на каждый день. Я бы, конечно, проторчал у самоваров ещё пару часиков, но надо было торопиться в Павлово-на-Оке. И мы, оглядываясь, вышли из музея и синхронно вздохнули: – Вот дан же людям Божий дар руками творить такую красоту!

Опять вернулись на пристань.

Там он купил мне билет до Павлово, но времени оставалось ещё сорок минут и он предложил подняться на берег, посмотреть издали на хозяйственную окраину, где разверстались на большом куске земли всякие мастерские, фабрики и заводики. Там делали всё. От художественной резьбы по дереву, игрушек и запчастей к судам и машинам до вкусного Городецкого хлеба.

Он показывал пальцем на какое-нибудь здание, хотя я и не мог бы угадать – на какое. Далеко было. Но он рассказывал про эту фабрику, мастерскую, заводик или цех так самозабвенно и азартно, что прерывать его и переспрашивать не было подходящего момента.

Когда он закончил торжественную свою речь и вытер пот со лба, махнул рукой: всего, мол, не расскажешь. И мы стали спускаться на пристань, от которой как раз отчаливала моя «ракета».

– Воот этоо бо-олезнь моя, большоой мой недо-остаток – много трепать языком...

Андреич пошел в павильон и быстро поменял билет на следующую «ракету».

Ему нигде и никто в Городце ни в чем никогда не отказывал. Так мне говорила Марина, художница.

– А Вы в исполкоме кем служите? – спросил я, чтобы хоть что-то спросить. Больно уж расстроенный вид был у моего помощника.

– Я-тоо? Я то-о там заместитель председателя. Рабо-оты – в-оо! – Он провел ребром ладони поперек горла.

Мне стало так неловко, даже нехорошо. Зампред горисполкома мотается со мной, пацаном, весь день. Кормит, ухаживает как за большой шишкой. Билет вон купил. Не за рубль, понятное дело. Муторно стало на душе и стыдно.

– Ты, Стасик, во-от чего... – тихо проговорил Андреич, устал, видно. – Ты когда в Павловоо придёшь – сразу езжай на четвертоом автобусе доо остановки «третья больница». Там сразу налево улица Гагарина. Найдешь тридцать четвертый доом, седьмую в нём квартиру. Тебя там будет ждать Яша. Моой друг по институту. У него и по-оживешь пока работать будешь.

– А как же? У меня ведь... Неудобно на халяву везде, – я отвернулся и от неловкости ситуации закашлялся.

– А я бы к тебе приехал – ты бы меня попроосил на во-окзале пожить? – захохотал Андреич. – Вон, иди. Твоя пришла посудина. Мы обнялись и я пошел к «ракете», закинув на спину тяжеленный портфель со сладкими завтраками, обедами, и ужинами.

Через пять минут берег стал терять четкие очертания и вода из серо-голубой стала почти черной. К ночи меня подждал знаменитый город Павлово-на-Оке и один только человек, Яша, которого я не знал. Приключение стало реально разворачиваться ко мне лицом и уже готовилось обнять и понести – куда нас обоих понесет неведомая власть солнца, ветра и огромной реки.

Глава третья

Ну, оно сразу же и понесло. Правда, похоже было на то, что в очередное приключение меня окунуло моё врожденное раздолбайство и, конечно, высокоскоростной Владимир Андреич. Иначе я не забыл бы, что плыть мне сейчас как раз никуда и не надо. А надо было достать в портфеле из-под неувядающих пряников бумажку, на которой был по-военному внятно и поэтапно расписан мой путь и темы репортажей. Когда я отщипнул приличный кусок от пряника и уже размахнулся, чтобы закинуть его внутрь себя, я вспомнил, что бумажка-расписание лежит, придавленная кондитерским шедевром. Я выгреб её со дна портфеля, мятую, как невеста после первой брачной ночи. Прочитав заново редакционный приказ, я в прямом смысле слова схватился за голову. Пряник затрещал, распался на детали и сильно засорил палубу. Я подошвой удалил развалины пряника в великую реку Волгу и внутренне взвыл.

Потому как из Городца мне было рядом почти, раз плюнуть – съездить хоть на попутке в село Сёмино, потом чуть-чуть подальше – в город Семенов. Проще говоря – в Хохлому. Сама деревня Хохлома, от которой и пошел бренд хохломской мне не нужна была. Там ложки делали и расписывали пару веков назад. А потом Хохлома стала просто местом продаж. А делалось всё, от баклушей до росписи великой, признанной всем миром неповторимой, шедевальной и уникальной, в маленьком селе Сёмино, да ещё в городе Семенове, тоже маленьком. В котором, кстати, был ещё и музей творений великих хохломских мастеров-деревянщиков и художников.

А я плыл, нет, не плыл, а если правильно говорить, «шел» уже километров пять, удаляясь от Городца и от шанса исполнить честно редакционный приказ.

Я забил пряники обратно, придавил портфель к рейкам кресла и пошел искать капитана «ракеты». Он сидел в маленьком камбузе и ел яичницу с котлетой. Моё появление на appetite не отразилось. Он дожевал всё до последней крошки, вытер руки и рот белой салфеткой и только очистившись от следов скромного ужина спросил лаконично: -А?

Через десять минут моей страстной речи, в течение которой я стучал себя по лбу, легко бил стенку камбуза головой и изображал мимикой трагедию перелома жизни напололам, капитан выпил из скорлупы ещё два сырых яйца и сказал: – Любоой дурак имеет право на оошибку. Я воон по-озавчера забыл причалить на оодной бо-ольшой пристани. На скоро-ости мимо-о проошел. По-отому, чтоо за обедо-ом выпил поолитру и уснул. А выпил из-за Варвары, жены. О-она мне перед рейсоом закатаила истерику. Вро-оде как я в про-ошлую суббооту но-очевал у Ирки, ты её не знаешь. Я ей то-олкую, чтоо в рейсе был внепланово-ом. А она гооворит, что у шалавы я неплано-овоой был, все знают. И чемоодан мне мо-ой выдаёт с трусами и но-осками, да тремя рубашками. Воон о-он, чемодан.

Я посмотрел в угол. Там красивый стоял чемодан. Из кожи.

– Воот этоо про-облема. Ирка же говорила, чтооб по-ока не светает ухоодил, так я ж должен был чаю поопить, по-обриться. Дуроопляс. Кто-о-тоо и срисо-овал меня. А у тебя разве прооблема? По-оно-с детский. По-ощли наверх.

Поднялись на палубу. Я взял портфель, достал из него целый пряник и дал капитану.

– На фабрике рабо-отаешь?

– Не, не работаю! – крикнул я, чтоб забить словами встречный ветер, – Корреспондентом работаю, я ж только что рассказывал. Угостили.

– А, ну да! – капитан отвернулся и крикнул рулевому: – Эй! Про-ожектоор налево-о десять градусоов сделай.

Голубовато-желтый пронзительный луч, мощный как солнечный причесал волны слева направо, вперед по ходу «ракеты». Слева по борту навстречу нам, километра за два шла моторная лодка, гордо задрал нос, как девушка, обновляющая импортный батик.

– Мо-оргни ему «стооп машина, причаль к боорту», и свистни трелью. Сам тоже тормози.

Лодка опустила нос на волну и медленно пришвартовалась к «ракете».

– Эй, Во-ова, здооров был! – заорал капитан и помахал фуражкой.

– Здооро-овей видали! – заорал с лодки Вова и три раза мигнул фарой.– Чегоо из графика вышибаешь?

– Воот у меня пацан тут. Сво-ой. В Гооро-одце забыл паспорт в го-остинице забрать. Сделай добро-о. Подкинь парнишку доо Го-ороодца.

– А нехай прыгает! – Вова что-то подвинул в сторону на заднем сиденье.– Давай. Первый – по-ошел! Десантируйся.

Я напряг все свои спортивные данные и с портфелем наперевес переполз в скользкую лодку со скользкой «ракеты». Сел на заднее сиденье и понял, что Вова убирал. Двустволку. А на дне лодки лежала рация пехотная, резиновый костюм и полный набор профессионального ныряльщика плюс подводное охотничье ружьё.

– Вы тут спасателем работаете? – крикнул я.

Вова два раза кивнул лысой головой, но разговаривать не стал.

Только перед Городцом он сбавил ход и пошел к берегу, потом выключил огромный двигатель, тянувший корму вниз как якорь.

– Тут слезай, – скомандовал загадочный Вова. – Я мимо-о пристани доолжен на скорости проойти. До Го-ороодца тут кило-ометр. Иди по хооду. Упрешься в пристань. Давай. Гуд бай. Го-олкни меня назад.

Я оттолкнул лодку, мотор страшно зарычал, фара зажглась и пробила дырку во тьме метров на триста. После чего Вова исчез буквально за минуту. В абсолютной темноте можно было двигаться только по кромке берега, чувствуя сквозь туфли воду. Через час тихого осторожного хода я уткнулся в пристань. Подниматься на неё было незачем, в Городец идти некуда. Я пошел от берега к откосу, нашел кусок земли с травой, бросил портфель, достал пряник,

поужинал сидя. Потом лег головой на портфель, посмотрел минут десять на ослепительные звезды и потерялся в мире волн, звёзд, шелеста каких-то листьев над головой, шепота легкого ночного бриза. Потерялся до утра, уснув тяжким сном великомученика.

В июле рассвет выпрыгивает с Востока мгновенно и рано. В половине пятого утра въедливый как комар луч поднял меня, довел до воды и окунул в Волгу лицом. Стало ясно, что я проснулся и во время сна вполне созрел для новых славных дел. Мимо городка я пронесся чуть ли не аллюром «три креста» и от скорости захотел есть. Сунул руку в портфель и отломил от пряника. Весь целиком брать удержался, поскольку не знал ближайшего своего будущего и не чуял подсознательно очередной дармовой кормежки. Ел медленно, проникая рецепторами в потрясающий вкус пряника. Чувствовались и ваниль, и мёд, и корица с шафраном, ещё какие-то неразгаданные наполнители. Всё это делало пряник самостоятельным блюдом. Для меня так сразу и первым, и вторым, и десертом. Дорога, по которой я шел мимо Городца, была классически русской. Ямы перемежались с буграми, колдобины – с островками глубоких впадин, доверху наполненных желтой пылью. Дождя, видно, не было с месяц. Сзади меня вдруг прорезался скрип с подвыванием, шаги тяжелые и два голоса – мужской и женский. Я сошел с дороги и остановился.

Ко мне приближалась большая толстая лошадь с мохнатыми ногами и никогда не стриженной гривой. Лошадь была серой и практически сливалась цветом с дорогой. Она тащила огромную телегу, заваленную в два человеческих роста бочкообразными мотками разных тканей. Перед тканями, свесив ноги в разные стороны телеги, спинами друг к другу сидели работники. Маленький мужик в серой соломенной шляпе и зеленой рубахе, ну и дама в брезентовых штанах да в ярко-розовой кофте.

Лошадь прошла мимо меня как мимо призрака, не косив и глаза, а с моей стороны телеги болтались ноги мужичка. Ноги были обуты в кеды, надетые на шерстяные носки.

– Тпру! – приказал мужик лошади, которая тормознулась как вкопанная, разметав пыль из под копыт в свежий воздух, на возниц и, ясное дело, на меня.

– Эй, мо-олоодо-ой! – как бы поздоровался мужичок и опустил вожжи. – Ты кудой-то так налегке? В гости к кому, ай как?

– В Сёмино мне, – я закинул за спину портфель. – Корреспондент я из Горького, из газеты.

– Нету такоогоо города, – встряла в разговор дама в розовом. – Нижний Но-овгороод есть. А что-о о-он теперь Гоорький – так то-о бесы придумали. Нельзя гороода по-друго-ому переназывать. Оодна беда от это-ого. Даже лоодки нельзя. Назвал её – «Ласто-очка» – значит «Ласто-очка», поока не рассыплется оот старо-ости. А закрасишь и напишешь там – ЛЮБИМАЯ ЛЮДКА, так и врежешься скоро-о или в друго-огоо дурака, или, не дай Бо-ог – в баржу насмерть. Нельзя с именами шалить. Имя вроде ты придумываешь. А егоо-то-о сам Боог даёт – по-одсказывает. Боога гневить – гадк-о-ое дело-о..

– Да ты садись, мо-олоодой! – крикнул тихо мужик и подвинулся. – Тут ещё не одна верста. Доедем, чай. А, Леший?!

Конь услышал своё имя и загрёб копытом ведро пыли. Мужик легко стегнул Лешего вожжей, натянул слегка и мы поехали.

– Тоолько-о мы мимоо Сёмина про-ойдем. А о-оноо от до-орооги с версту, не дальше. Там уж пёхом.

Всю дорогу мужичок вправлял, я так понял, жене, мозги.

– Ты, дура, – говорил он почти ласково, – ты пойми. Нету у американцев никакоой сво-ободы. Жратвы у них много-о любоой. Нам до них тут далекоо. О-одежки всякой – завались, хооть по тро-ое штаноов сразу надевай. Но это ж не свообоода! А свообоода – это коогда кругоом тебе вооля-во-ольная и никоому не до-олжен ничегоо. А о-они все, я слышал, в долг живут. Где тут свообоода от банкиро-ов? А негры!! У-у! Оони ж их поедо-ом едят, черно-омазых. Трамваи воон о-отдельноо для белых, а по-охуже – для черных... Свообоода, ядрён пим..

Жена оскорблено сопела и только временами вставляла невпопад:– « Ну, прямоо-так.. Тьфу! Ну, скажешь, как в лужу...»

Так и доехали. Показалось из-за бугра село. Длинной в пару километров. Слева в селе дома были белёные и похожие на кубики. Справа стояло четыре длинных барака, тоже белые, но низкие и чуть ли не через каждый метр в каждом вставлено было большое окно.

– Сёмино-о этоо и есть, – показала пальцем женщина. – Раз ты коорреспо-ондент, тоо тебе прямо-ом в цеха надо. Вот в эти длинные.

Мы попрощались. С мужиком поручкались, а жена его меня приобняла и перекрестила: – Ну, дай тебе Го-осподь делоо сделать поо-людски.

И лошадь пошла дальше, увозя куда-то запыленные, неизвестного уже цвета тюки с крим-пленом и трикотинном, и моих незнакомых (потому, что так и не познакомились), попутчиков. А через полчаса я уже подходил к крайнему справа бараку-цеху.

Остолбенел я ещё на пороге, не успев шагнуть в «светлицу». Не знаю точно как должна выглядеть светлица, но, наверное, именно так. Светом, белым и нежным, было залито всё. Он не лез, как лучи, в глаза, а плавал по огромной, квадратов в 100 комнате, ласково облизывая всё и всех. Плыл свет и из окон, и от огромного количества люминесцентных ламп. И всё было устроено так, что ничто ни на что не роняло даже намёка на тень. Теней не было вообще, а я такого никогда не видел. Даже не представлял, что такое вообще возможно. Потому и застыл колом в низких дверях. При росте почти 180 сантиметров пришлось изобразить гусиную шею, что насмешило всех, кто сидел в комнате за своими столиками и станочками.

Встала из-за столика, отложив в сторону почти расписанный поднос, и подошла ко мне красивая девушка с белой от света кожей и блестящим русым волосом.

– Я старшая смены. Зо-овут меня Алла. А Вы ктоо будете?

После всех моих объяснений она улыбнулась и сказала, что всё покажет и расскажет, и фотографировать разрешает всё, что захочу. Я походил между художницами, разглядывая

орнаменты и поражаясь тому, как можно без помарок вести длинные, тончайшие разноцветные фигурные линии. Как можно укладывать обычными беличьими и колонковыми кистями гладкие, сочные, равномерно залитые одним цветом фоны. Мне, честно говоря, как-то даже не верилось, что я тут присутствую при рождении настоящей хохломской росписи, которую потом как шедевр национального русского творчества расхватают, развезут по разным странам, да и по своей, родимой и неохватной Родине. Видно было, что чужие здесь не ходят. Или настолько редко, что к посторонним тут не привыкли вообще. В комнате работали только женщины. От 18 до 60 с хвостом.

– У меня только два вопроса, – сказал я Алле через час прогулки по цеху. – Почему мужиков нет с кисточками? И почему художница не ставит свою подпись в уголке шикарной сюжетной картинке или классической, привычной нам росписи? Ведь это же адский труд. И сверхталантливый результат.

Оказалось, что на заказных, сложнейших по теме и исполнению работах, мастерица свою подпись всё же оставляет. Остальное – рутина, конвейер.

Ничего особенного. Чего подписываться под стандартной, хоть и сногшибательной росписью? А мужчины попросту не высиживают этот труд. Физически. Монотонную, долгую и кропотливую тонкую работу в состоянии перенести только прекрасный пол.

Я сделал кучу снимков, поговорил со всеми, кто не отказался, обошел все цеха, после чего получил отчетливое ощущение, будто слетал в космос. С этим смутным чувством я, обалдевший окончательно, вывалился на улицу и закурил. Слева от меня разлеглась сама деревня Семёново. В меру бедная, в меру аккуратная, в деревьях и цветах даже вдоль дороги. Вышла старшая по смене, села рядом.

– Мужчины у нас самую трудную работу делают, – чуть-ли не извиняясь мягко произнесла она. – Мужики баклуши бьют. То есть, заготовки вытесывают. Мы бы не смогли. Они же и основной лес пилят, сушку делают, окончательное проокаливание готовых вещей, чтобы краска и лак лучше взялись.. Так что, вы не подумайте чего плохого про наших.. Мы без них что? Задницу отосаживаем, да руки от судорог разминаем...

Да Вам, конечно, в Семёнове всё уже рассказали. Там одни экскурсоводы по музею хохломы – как толстые книжки по истории и специализации. Хохломская роспись в мире одна. А началась с самой деревеньки Хохломы, потом там базар сделали, наши вещи продавали, а цех оттуда переехал в Семёново к нам. Вдобавок. Хотя многим внушили уже, что центр и колыбель хохломы – это город Семёнов... А Семёнов-то поозже нас начал хохлому делать.

– А я не был ещё в Семёнове.

Тут Алла посмотрела на меня хитро и недоверчиво.

– Ну да? Все ведь с него начинают, а там, если повезет, к нам забегают на пять минут.

– А я вот про вас больше слышал. И что ваши мастера крепче будут, чем семеновские. Потому с вас и начал. Но в Семёново надо забежать. Музей снять надо, в редакции сказали.

– Ой! – вспомнила Алла.– Через полчаса туда же наш авто-обус пойдет с баклушами. Сами-тоо о-они не бьют. Поойдемте в третий цех, я там вас на дооро-ожку моолоочко-ом напою с булоочками сво-оими. Доома девки пекут, да с мо-олоком их! А чё! Моолоока-то нам дают – хооть плавай в нём. За вредно-о-сть. Краскоой же дышим да лакоом. Пло-охоо. Н-оо жизнь не поменяешь тут. Работа о-одна. Хо-охлоому писать...

И мы пошли пить молоко с деревенскими булочками. Одолел три больших кружки и три больших ванильных булочки. Даже в сон потянуло. А тут подоспел и автобус. И я, прыгая в резонанс с ПАЗиком по колдобинам и отрываясь от сиденья, поехал в Семёновский музей...

Там не было как раз никаких экскурсий. Директор музея Валерий Игнатьевич сам лично водил меня часа полтора вдоль и поперек стендов. Советовал с какого ракурса лучше будет выглядеть на фото огромная шкатулка, рядом с которой в ряд стояли ещё пять. Все они как матрёшки каким-то образом помещались в основную. Я снял две пленки самых интересных экспонатов, записал всё в блокнот, потом мы с директором ходили вокруг музея. Он рассказал о том, когда и кто его построил, что собираются они поставить вокруг музея. Ну, кафе всякие, маленький кинозал, где туристам будут крутить документальное кино про чудо Хохломы. Вот здесь будет магазин, где на выбор можно взять хоть выставочный поднос, хоть набор ложек или деревянных тарелок-суповниц шесть штук. В самую большую складываются остальные пять. В цеха пройти он мне не предложил, да я и не напоминал о них. Материала было больше, чем надо в газету.

Мы попрощались и я пошел к дороге, а он к себе в кабинет.

– Эй, корреспондент! – крикнул кто-то невидимый из деревянного сарая с огромными дверьми. Рядом с сараем стоял ПАЗик, на котором я приехал в Семеново. – Если ты обратно, то я сейчас тоже поеду. Пять минут посиди на травке. Я сел, открыл портфель, достал и полистал блокнот, съел немного пряника. Глаза слипались. А спал вроде неплохо. Наверное, устал слегка. А, может, и не выспался. Рассвет уж очень рано поднял на ноги. Тут подошел шофер автобуса. Мы наконец с ним познакомились. Его звали дядя Ваня Куренцов.

– Тебя в Сёмино обратно закинуть? – без волжского оканья спросил дядя Ваня.

– Мне сейчас в Городец надо. – Я закурил и стал крутить пальцами зажигалку. – На пристань. Оттуда в Павлово-на-Оке.

Дядя Ваня сел рядом и стал разглядывать окружающие дома. Он то цокал языком, то шепотом матерился, потом вообще плюнул себе под ноги и встал, потянулся, поправил кепку и заткнул поглубже в брюки рубаху.

– Изуродовали, мля, город с этими туристами. Современный дух, мля, сюда примеряют. Как-то он у них там... А! Мля! Модерн. Вот тут, на месте пятиэтажек панельных, да тех вон, мать иху, дурацких ёлок, которые в три ряда по пять метров друг от друга как, мля, с чертежа перенесённые, тут дома стояли из дерева. Как у нас под Новосибирском. Лет 200 точно было домам. И ещё бы, мать-перемать, четыреста простояли. Все дома с узорами были, с выточками. Крыши из черепицы глиняной. Палисадники, мля, с мальвой. Вот здесь колодец был рукоятный с цепью. Выкопали, говорят, в 18 веке аж. Вода там была как в роднике. Твою мать! Не поверишь – ветром пахла. А вокруг росли всё липы да березы. На хрена спилили?! Высо-

ченные, пышные, с запахом солнца и земли этой. Тьфу! Мать иху! Споганили природу. Город делают. На все города похожий, мля... Ладно, поехали.

Ну, поехали. Дорога отвратная. В рытвинах вся, да ещё извилистая. Сплошные мелкие повороты туда-сюда. Дядя Ваня привыкший, у него и подушка под задницей, и подлокотники сиденья мягким ватином обмотаны аккуратно.

– А ты чего на полдня приезжал-то всего? – дядя Ваня закурил папиросу, по-моему, ещё более короткую, чем я видел у других.

– Это я по Волге мотаюсь за репортажами. Уже в четырех местах был. Теперь на Оку пойду из Городца. В Павлово. А если время останется, забегу в Муром.

– Так это ж уже Владимирская, мля, область, – он затёр окурочок о ботинок, плюнул на него и швырнул в окно.

– Да я просто посмотреть. Легендарный же город. Дом Ильи Муромца посмотрю. Говорят, там экскурсии делают к дереву, где Соловей-разбойник буянил. Я-то сам из Казахстана. В этих краях не был. Только в книжках читал. После учебы в Москве поехал в Горький устраиваться в газету. А они мне вот этот испытательный заезд придумали. Проверяют на выносливость.

А вы, дядь Вань, с какой беды сюда перебрались? В Новосибирске-то у вас не хуже. А может и лучше. Сибирь ведь. Я там тоже неподалеку живу. В Кустанае.

– Точно, с беды. Угадал, – дядя Ваня выматерился от души минуты за две. – Развелся с женой. Работал инженером в Научном городке. Радиотехник я. Говорят, не самый последний. А развёлся чего? Жена гульнула, да не раз. С одним кандидатом наук. Ну, развелся я с ней, а жить мне там нельзя. Её родни много. Уговаривать начали. Вроде «с кем не бывает, ты уж её прости» Да и моя родня как, мля, сдурела. – Ну, ты ж, говорят, сам ходок. Сколько, мать твою, сам шалав перебрал! Да, перебрал! Так я, мать вашу, мужик! Мужик я! Есть такой мужик, какой не перепробовал с десятков их, порядочных, мужьям верных раза по три в неделю? Нету таких. Или он не мужик, а...

Он долго искал слово, покраснел, лоб вспотел под кепкой, с дороги стал соскакивать иногда. Но не нашел слова. Ни приличного, ни матюга подходящего. И так незаметно, хотя на хорошей для ПАЗика скорости, мы подъехали к Городцу.

– Ладно, удач тебе, – дядь Ваня пожал мне руку.– Ты молодой, так лучше вообще не женись. Суки они все!

Я не стал ему рассказывать, что сам только что разошелся, попросил у него его смешную папиросу. Оказалось, это «Байкал». Никогда не пробовал. Всё время «Приму» курил.

Он поехал в город, а я двинул на пристань. Близко, метров двести. Подошел к кассирше и понял, что сказать мне ей нечего. Хотел спросить, когда тот капитан на своей «ракете» подойдет. Но только тут допёр, что не знаю, как его зовут. Стал вспоминать номер катера. Походил по пристани, поглядел на другой берег, где ничего не было кроме ржавых кустов и камней, упавших с откоса. И вдруг вспомнил. На борту стояла цифра 16. Точно 16! Голубой краской.

Пошел снова к кассе.

– А шестнадцатый борт когда подойдет? Там ещё капитан такой. Высокий. Такой красавец с усами.

– А это Колядин Сергей, – ответила кассирша без выражения. – И какой с него красавец? Тьфу. В 18.40 швартуется. Билет нужен?

Но я уже шел на пристань, попутно доставая из портфеля огрызок пряника. Ждать оставалось недолго. Полтора часа всего.

Капитан Колядин встретил меня как родного брата. Обхватил, от досок оторвал и поставил обратно, слегка придавив мне жестким портфелем бок.

– Всё сделал? – спросил он на ходу и достал путевой, видимо, лист. – Тогда жди. Я оотмечусь и через двадцать минут по-ойдем в Павлоово-о. Ты же в Павлоово-о?

– Очень бы хотелось, – пытался засмеяться я. Вышло довольно жалобно. – Ты свои-то проблемы дома утряс?

– А куда они денутся! – воскликнул театрально Колядин. И мы надолго замолчали.

Но зато через двадцать минут я рядом с капитаном наблюдал, как поднимается нос «ракеты» и подводные крылья режут Волгу, как плуг пашню, как вырастаем мы над волнами и рубим течение напополам.

Идем в Павлово-на-Оке. И снова я не знаю, чем закончится визит в этот милый, почти сказочный городок.

Глава четвертая

Капитан Сергей Колядин, как только отошли от пристани километров на десять, позвал меня в капитанскую каюту, достал из шкафчика бутылку водки, банку с солеными грибами и два граненых стакана.

– Мы с жено-ой помирились, – тускло сказал он и налил по сто пятьдесят. – А Ирку, ты её не знаешь, я поослал. Другую заведу. Эта бо-олтливая шибкоо. Всём соседям доложились, что со мной крутит. Оони жене и рассказали. А я то-о сперва думал, что-о ктоо-то с утра меня в оокн-оо видел, коогда я-тоо от неё вышел. У нас тут все всех знают. Гороодец маленький же. Дерёвня. Эх, давай! И с радости, и с горя зараз.

Ирка – воот такая баба! Была теперь уже. Ну, а жена есть жена. У нас два пацана с ней. Пять лет о-одному и три гоодика по-оследышу. Надо с жено-ой в первую о-очередь жить, а с остальными просто-о якшаться временно-о для усмирения буйной плоти.

– Я пить не буду, – кивая головой в такт разнообразным интонациям речи капитана Колядина, сказал я. – Мне сейчас в Павлово к незнакомому мужику ночевать идти. Зампред Городецкого исполкома к нему меня определил. Как-то будет некрасиво поддатым завалиться. Зампреда подведу. А мужик он хороший.

– Ну, правильно. Хороших мужиков нельзя подводить, – Колядин, не касаясь стакана губами, закинул в глотку все сто пятьдесят и съел гриб. – Ты давай грибы ешь. Жена солила. Грузди. Колбасы дать? Ел давно?

На лице у меня крупным шрифтом было напечатано, что давно ел. Он это прочитал, достал из маленького, замурованного в стенку холодильника толстую докторскую колбасу, из нижнего шкафчика вынул порезанный на тонкие кусочки хлеб, потом снова нырнул рукой в холодильник и вытащил желтый перламутровый сыр, после чего приступил к нарезке, предварительно с размаху закинув в рот всё из моего стакана.

– Гадкая жизнь у вас, у корреспондентов. Как у бродяг каких, – капитан смотрел, как я ем, и зевал. – Но бро-одягам воо-обще не платят, поото-ому они всю жизнь жрать хотят. А у вас и зарплаты смешные, и гооняют вас по-о белу свету, как рабо-ов, и на дороогу дают роовноо сто-олькоо, чтобы не издоох и не кинул черную тень на редакцию. Но воот от жадности гоосударства и ваших редакцио-онных начальнико-ов вы как все бродяги тоже пло-охо кушаете. Мало-о и нерегулярноо. Во-от какая у тебя зарплата?

Я поперхнулся при упоминании зарплаты, жить на которую мог бы только святой дух. И то только потому, что ему не надо есть и одеваться.

Капитан по моему страдальческому лицу определил, что зарплата у меня 80—90 рублей и произнес придуманный, похоже, только что афоризм: – «Чем меньше денег, тем чище совесть». Но когда я поперхнулся повторно, он понял, что загнул лишку и разъяснил, что мало или много денег – это всё очень и очень относительно. Вот он получает 300 рублей чистыми в руки и имеет при этом вполне приличную совесть. Знает одного министра (на рыбалку его возит), так тот вообще имеет зарплату 1200 рублей. Но, несмотря на сумасшедшие деньги, какие и девать-то не понимаешь куда, он прекрасный человек с почти незамутненной сове-

стью. Ну, в пятнышках, конечно, но самую малую малость. А ведь на такой должности иметь кристальную совесть – вообще фантастика.

Он ещё раз из-под козырька фуражки глянул на меня жалостливо, после чего почти убедительно и быстро проговорил: – Хоотя, с друго-ой стооро-оны – твооя проофессия сама ладная. Видите мног-оо. Поостареешь, так оопыта будет сто-олько, что-о моожешь стать муд-рецо-ом и мемуары писать проо впечатления о-от житухи нашей.

А она впоолне бессмысленная, жисть у всех. Крутимся во-округ своей о-оси, хотим многого, а не получаем ско-олько хотим. Это я воо-обще не проо деньги, а в принципе. Но не в принципе же смысл! Чего живем? На кой черт я каждый день туда-сюда по волнам прыгаю? Людей перевожу туда-сюда. Ну а оони чего-о мо-отаются с места на местоо? Нужда? Так нужда всегда о-одна: не проопасть, пережить, перетерпеть, до-остать, выкрутиться, доож-даться лучших времён, а в пло-охие времена не сгинуть, тянуть жизнь за хвоост, удерживать, что-об не усакала. И что-о? Воот для эт-оого меня мама роодила? Или во-от их!?! – Он мотнул головой в сторону пассажирского салона. – Их тоже роодили, что-обы доо гробба боро-отся с убого-остью своей жизни в это-ой дыре и ждать светлогоо будущего-о, про котооро-ое в «Правде» пишут?

Я смотрел в иллюминатор, молча ел хлеб с колбасой, сыр, и думал о том, что капитан в чём-то прав. Но никак не мог сформулировать для себя – в чем именно. Да, мы все посто-янно что-то преодолеваем. Кругом сплошные трудности и проблемы. Но, с другой стороны, нам ведь никто и не обещал, что будем кататься как сыр в масле. Ну, деликатесов нет. А еда-то везде есть. Крупы, картошка, сахар, соль. Хлеб есть. Мясо бывает почти через день в мага-зинах. Одежда, правда, плохая, некрасивая. Не модная. Но, главное, есть уверенность в буду-щем своем. Уверенность и ясность. Наметишь план и выполняй себе, не спеша. Никто мешать не будет, а только помогут, направят, подправят, подскажут. Ты уверен, что дети твои пой-дут на сохранение в детсад, потом в обязательную школу-десятилетку, где действительно дают знания, потом институт, дальше – свадьба, потом любимая работа, которую сам выбираешь. И в конце – пенсии приличные. Можно даже откладывать от пенсии в запас. И всё это гаранти-ровано и не нарушается. Я вон два института бесплатно окончил, медицина тоже бесплатная, работа гарантирована. Тут мысль оборвалась. Гарантированной работы как раз ещё не было.

– Так мы что, отсталая страна, плохо живём? – спросил я капитана. – А космос? А угля у нас сколько, а нефти! А атомная бомба, а водородная?

– Ну, ладно-о, – Колядин налил себе сто граммов и процедил их в организм мелкими глотками. – Ты поосле института тоолько чт-оо. Ты воот тут по-окрутись, по-осмотри как и чтоо. На людей поосмо-отри. Глянь, чему оони радуются, чему печалются. И чего в их жизни больше – надежды на лучшее или безнадеги на сегоодняшний день. Живем-тоо сего-одня, не через сто-о лет, А оно, видноо, там, в других веках и прячется, светло-ое будущее. В следу-ющем стоолетии. В конце. Не дотяну до него, точно. И ты не дотянешь..

В-оо! Смоотри. По лево-ому боорту Нижний Ноовгооро-од. Или, черт с ним, Го-орький. Мы на Стрелке сейчас. На месте, где Оока впадает в Воолгу. Или, моожет, нао-обооро-от. Тут все спорят: чтоо в-оо что-о впадает. И никтоо ничегоо еще то-олкоом не выспоорил. Я воот думаю – Оока мощнее. Во-олга в неё сливается. Но это я так считаю. Многие за Во-олгу. Эх!!!

Через час я уже был в Павлово-на-Оке и стоял возле двухэтажного дома, который был составлен из такого доисторического кирпича, который давно уже изъеден и источен ветром, солнцем и дождем почти до конца и, кажется, рухнуть должен с минуты на минуту. Но тут жил дядя Яша, да и не первый год жил. Он и сейчас сидит в квартире, меня ждет. Он не боится, что дом развалится. Я поднялся на второй этаж по прогнившей и трескучей деревянной лестнице, постоял, выдохнул и позвонил в квартиру, дверь которой была обита траурным старинным черным дерматином, простроченным свежими гвоздиками с выпуклой золотистой шляпкой.

На эти шляпки я любовался минут двадцать. Звонил периодически.

Длинными, короткими, потом вперемежку, даже азбукой Морзе звонил через точку, тире, точку наугад. Азбуку я не знал совсем. Дядя Яша или проверял меня на стойкость и настырность, то есть, на популярные мужские качества, либо мылся в ванной и голым выйти не спешил. То, что он спал, исключалось, поскольку звонок был настолько громким, что мог разбудить не только одного мёртвого. Всё кладбище мог поднять.

Идти мне было всё равно некуда и я решил стоять и звонить. Всё-таки это было каким-никаким, но занятием. Примерно через полчаса дверь неожиданно распахнулась так быстро, что если с той стороны меня хотели бы застрелить, то мгновенно застрелили бы. За ручку двери держался толстый как сеньор Помидор дядька лет пятидесяти, обросший серо-белым волосом до упора. Похожий на него мужик изображен на фото в учебнике по физиологии как пример повышенной волосатости. Живого голого места не было на книжном мужике. А дядя Яша всего-то имел кудрявую хиповую гриву до плеч, бороду почти до пупа и усы, растекающиеся по бороде. Они завивались под молодого барашка в дебрях бороды. И оттого дядя Яша напоминал лицом Робинзона Крузо при теле сеньора Помидора. Мало того: он был в майке и трико, поэтому волосатость свирепствовала и на руках, и на груди. Да, похоже, по всему телу завивались всякие седые с прожилками бывшего цвета волоса кренделя. Дядя Яша улыбнулся так широко, что я даже испугался. Вполне мог порваться рот или выпасть зубы.

– Захо-оди! – воскликнул он так, будто стоял на столичной сцене и должен были докричаться до задних рядов.

– Если разбудил – извините! – заорал я погромче, потому как дядя Яша вполне мог плохо слышать из-за обилия волос в ушах и над ними. – Извините, говорю!

– Да ну тебя. Чего го-орланишь? Разбудил о-он, как же! – дядя Яша нежно взял меня за ворот рубахи и двумя пальцами аккуратно втянул в квартиру. – Я тут как раз киноо смотрел п-оо телеку. Не помню как называется. Ноо про-о разведчика нашегоо, кото-роогоо ну просто-о чудоом не раскрыли. Оой, что о-он там тво-орил! На грани хоодил. По-о лезвию... Так чтоо – не оото-орвешься. Извиняй уж, чтоо пришло-ось ждать..

В квартире у дяди Яши было две комнаты и, само собой, игрушечная вполне кухня. Одна из комнат использовалась как жильё, другая как склад всего, что можно складывать, вешать, и просто зашвыривать вверх уже наваленного. В жилой комнате стоял дореволюционный кожаный диван с прямой высокой спинкой и пухлыми валиками по бокам. Кожа была прошита ромбиками мягкой проволокой. Раньше он, наверное, стоял в кабинете у какого-нибудь статского советника нижегородской губернии.

В угол дядя Яша поставил такой же старорежимный секретер. Крышка его была откинута и внутри проглядывались несколько книжек, скульптура матроса из чугуна по пояс, круглые часы с римскими цифрами и витыми металлическими стрелками. На крышке лежала книга «Водные пути российских рек» и вразброс располагалась всякая посуда. Тарелки, фарфоровые чашки, серебряные ножи и вилки с ложками. Сбоку от секретера находилась крашенная суриком табуретка. На ней как-то поместился огромный и дорогуший по тем временам цветной телевизор «Рубин», а завершала композицию двурогая антенна с толстым как швартовочный канат шнуром. Больше в квартире не было ничего. На кухне одиноко тосковала газовая плита, украшенная сверху кастрюлей и чайником, закопченным до цвета земли, на которой выжгли всю траву.

Я только начал думать о том, каким образом и в каком положении буду спать, но дядя Яша, похоже, мог считывать чужие мысли. Он сунул руку влево от двери комнаты-склада и вынул по очереди толстый стёганный матрац, простыню желтого цвета, подушку и лоскутовое теплое одеяло.

– А воот по-од телеvisoоро-ом и стели, – он обозначил пальцем место для матраца. – Через тебя мне экран спооко-ойноо видно-о. И ты будешь всё видеть если подушку по-оставишь ребром. Времени уже 22 часа. Надо полягать уже. Вставать раноо. На заре прямоо-таки схо-одим на рыбалку. Рыбо-ой и поозавтракаем. А к девяти по-ойдем к учителю Шапо-ошничкоову. О-он тут всё про-о всё знает и поото-ому везде тебя проовет, по всем музеям и с кем надо по-ознакомит. Считай за день мо-ожешь на целую книжку фактоов нако-овырать.

– Нормально, – согласился я, кинул матрац под табуретку, потом уложил простыню, подушку ребром, бросил тяжелое как гиря одеяло, снял штаны и кофту-лапшу и залез внутрь этой конструкции, над которой что-то ворковал телевизор. Дядя Яша раза в два быстрее постелил себе на диване, скинул на крышку секретера майку и снял трико, после чего я сел и дурными глазами вперился в его ноги. Точнее – в ногу. Вместо второй ноги у дяди Яши почти от бедра был пристёгнут коричневый протез из кожи, дерева, пружинок и ремней с застёжками. Он отстегнул протез любовно, быстро и ловко. Так раздевают женщину крупные специалисты по охмурению этих самых женщин.

– А-а! – перехватил мой безумный взгляд дядя Яша. – Этоо я по пьяне на причале как-тоо по-сво-оому перелезал через перила баржи воо время шварто-овки. Там и к причалу, и к барже шины от грузоовиков крепят, что-обы смягчать касание боорта с причало-ом. Ну, у меня но-ога между шинами и поопала. А баржа ещё двигалась. Врачи поодержали меня три дня на койке. Уко-олы колооли, ноогу щупали. На четвертый день пришли они аж вчетвероом, ещё по-о-о-очереди ноогу потискали и главный ихний сказал, чтоо надо-о резать. Кооро-оче – удалять надо ногу. Там все кости перемололо-о. Ничегоо не сделаешь. Ну и оотпилили на друго-ой день. А ты видел, чтооб я хро-омал? Хожу как все. Как ты. Протез мне тут делали, в Павловоо. По-отому и хооро-оший протез.

Он мало того, что не хромал. Утром, когда шли на рыбалку на Оку, он меня опережал. И шли мы почти бегом. У нас было 2 удочки, вареная кукуруза и банка с червями, которой дома у дяди Яши не было точно. Зацепил он её по дороге в глубине какого-то куста. Заранее припас. Идти нам надо было километра три. Здоровый человек с двумя полноценными ногами добирался бы примерно полчаса. Мы, по моему, дошли быстрее. А может так показалось мне, потому, что дядя Яша всю дорогу беспрестанно нёс всякую ахинею в основном про хреновую местную навигацию, особенно зимнюю. Но внутри этой темы смог-таки разме-

стить несколькими фрагментами легенду, а, может, правду о том, что он на павловском стадионе 2 раза в неделю гоняет футбольный мяч с докерами. Хотя те пьют водяру похлеще него, но бегают. Потому, наверное, и живые ещё. Набирается три команды и играют навывлет. А зимой он с ними же играет в хоккей с мячом на том же поле, которое сами и заливают, сами же и гладят-ровняют в сильные морозы.

Судя по тому, что за разговором мы спустились от его дома к берегу минут за двадцать – не врал дядя Яша. Да и лишнего про себя не выдумывал. И мне это понравилось. Как, собственно, и он сам лично.

Устроились мы на утоптанном песке с галькой попеременно. Место, значит, популярное было. Закинули удочки и уперлись взглядами в поплавки.

– Во-от тут, – прошипел как змей дядя Яша, наклоняясь корпусом ко мне под очень острым углом, – прямо здесь водится лещ, плотва, язь, о-окунь, со-ом, щука и. эта ещё... как её... Забыл. Вспоомяну, скажу.

За час мы поймали три леща, четыре плотвы и одного окуня. Вот окуня как раз поймал я. А он всё остальное. Смотрели удочки, поскольку дядя Яша плюнул в воду и сказал рыбе, что мы уходим, а она чтобы, наоборот, сидела тут, ждала и никуда не сплывала. Потому как мы ещё придем. И мы пошли обратно в гору. Уже помедленнее и молча. Дома, пока жарилась рыба, дядя Яша короткими бросками взгляда смотрел на меня угрюмо, отрывая глаз от сковороды на пару секунд. Видно было, что он хочет что-то произнести, но обдумывает – как это лучше сделать. Наконец, когда рыба была готова, он принес её на крышку секретера, перекрестился, взял себе леща покрупнее и сказал: – Ты, Стасик, жить хо-очешь оостаться в Нижнем?

– Если возьмут на работу в редакцию, – я взял плотву и начал её обглаживать, выплёвывая кости в кулак.

– Ну, как возьмут, так и выживут. Мо-олча. Примерно через пару-тройку месяцев..

– Да я нормально пишу. От работы не шарахаюсь. На людей вроде не кидаюсь. За что выживут-то? И кто? Редактору я, похоже, понравился. А только он и может уволить без повода.

– Поово-од есть. Там, в редакции, челоовек двадцать, небо-ось, трудяг. А ты писать умеешь не хуже их, так? Так. Воот за это-о тебя и скушают, – он выложил все кости от леща на край крышки секретера, подгреб туда же останки моего окуня и левой ладонью спихнул объедки в правую.

– У нас тут куча таких примероов наберется. Из Сибири народ приезжал к нам в Павлово-о, в Нижний так во-ообще со всей страны нароод прётся. Как в Мооскву по-очти. А через поолгодика – но-оги в руки и давай тикать оотсюда! Вон из Таджикистана Коля Каплин приезжал слесарить в Павлово. Домик купил. Жену привёз с дочкой. Золотые руки оказались у мужика. Лучше наших детали для замков делал. Так сожгли дом через три месяца. Он ещё по-омыкался поо квартирам сто-олько же. По-отоом ему случайно голову пробила железяка в цехе. Проосто мимо-о пролетала. О-он семью в о-охапку, да и хо-оду оотсюда. И таких случаев – воо ско-олькоо!

Дядя Яша провел ребром ладони поперек горла и пошел к окну смотреть на то, что тысячу раз уже видел.

– Не, не понял, – я тоже подошел к окну. – Смысл-то в чем? Зачем выгонять хороших работников и вообще нормальных людей? Что, руки да головы нормальные не нравятся? Дурь какая-то...

– Ты русский? – спросил дядя Яша. – Вижу, чтоо русский. Н-оо ты чей русский? Ты казахский русский. Чужоой ты у нас. Вы, казахские, татарские, узбекские русские – не такие, как расейские русичи. Никто-о не знает и не по-онимает, чем именно вы не такие. Ноо всё о-одноо – чужаки. И жизни тебе тут, Стасик, не будет. О-одни неприятности будут. По-ока сам не уедешь.

Потом мы пошли с ним к учителю Шапошникову и с его помощью я побывал и с кем надо поговорил в музеях, где выставлены сотни вариантов замков. Снял царь замок, у которого один ключ полтора килограмма весит, а сам замок почти десять. Мне бы в жизни в голову не пришло, что может существовать замок, которым можно запереть иголку. Просто просунуть дужку замка в игольное ушко и под лупой пинцетом повернуть ключ. Потом мы пошли в музей ножей, где мне прямо-таки нехорошо стало. Там я увидел и огромнейший неподъемный царь-топор и сотни всяких ножей, обычных, складных, кнопочных и многоприборных. Это когда в одном ноже спрятаны кроме разных лезвий ещё масса всяких приборов. От расчёски, к примеру, до зеркальца или зубной щётки. Мастерству изготовителей даже оценку невозможно было определить. Просто нет такой высочайшей оценки. После музейщиков поехали на присланном за нами специально ПАЗике на Павловский автозавод, где делали тогда, да и сейчас делают незаменимые универсальные автобусы. Там есть даже полноприводной автобус для гор и специальный туристический автобус, который продумали со всех позиций так здорово, что он завоевал приз на международной выставке. Но в массовое производство дорогую штукюину, ясное дело, не пустили. И стоял он, красивый и уникальный, на невысоком постаменте одиноко и грустно. Как натужный комплимент от мирового сообщества павловским мастерам.

Домой к дяде Яше я попал уже к вечеру, часам к семи. У порога уже стоял мой портфель с вечными пряниками.

– Коо мне тут сейчас женщина придет, – оповестил дядя Яша, воткнув взгляд в пол. – Ну, сам по-онимаешь... И воо-обще – тебе мой пооследний со-овет. По-ока не пооздно – езжай в Казахстан. На родину. Лучше родины не бывает места.

Я кивнул головой, взял портфель, с трудом обхватил дядю Яшу, потом пожал ему руку. приобнял, сказал за всё «спасибо», развернулся и вышел, не прощаясь. По-мужски или по-английски. Короче, и так, и так.

Вышел я из подъезда и оглянулся в последний раз на кривой, косой, несуразный древний полураспавшийся дом, где жил и где когда-то умрет хороший человек дядя Яша.

Отошел от дома метров на сто. Сел на корточки, закурил, задумался. Потом посмотрел вверх на чистое ночное небо. Звезды на небе были другие, а какие нашлись те же самые, то светили они всё равно по-другому. Совсем. В это мгновение я и понял, что уже почти еду домой. На родину. В Кустанай. Без копейки денег, с портфелем, набитым блокнотами со ста-

тнями и репортажами, и нескончаемыми печатными пряниками. И, конечно, не понимал я в тот момент, что самые замысловатые приключения мои начались только сейчас.

Глава пятая

То, что я еду домой, было решено с помощью одного пристального взгляда на звёзды. А, возможно, там, на какой-нибудь тусклой, самой далёкой звезде как раз и жил Вселенский разум. И я-то его не разглядел, потому как возможности ума и проницательности у меня земные, скудные. А он, Разум, всеобщий. Всех вразумляет, кого успеет заметить. Вот меня, видно, засёк. Вовремя, значит, я наверх глянул. Хотя ещё только смеркалось и отсюда звёзды только проклевывались в темнеющей синеве. А оттуда, наверное, всегда всё видно, слышно и ошутимо.

В Бога я не верил. Верил в прозаическое земное электричество и в неземную могучую всеильную и всемогущую вечную Энергию, сплетенную из тысяч разных всяких энергий. В Сверхсилу, управляющую жизнью всех Вселенных и всем, что в них крутится-вертится. Верил я в него как в собственное отражение в зеркале.

Ну, это был как бы рупор судьбы, фатум и руководство к действию. Фатум был за немедленное возвращение в Кустанай, на родину. Минус был только один: вершитель судьбы моей никак не посоветовал сверху: что конкретно я смогу такое совершить волшебное или колдовское, чтобы добраться до дома без копейки денег, документов и приличного внешнего вида, утерянного в пыли дорог, чужих постелей и ночевок под прибрежными кустами. Не сделав ещё ни одного движения в сторону, подсказанную судьбой, я понял главное. Оно заключалось в проблеме, скинуть которую с горба могло помочь только чудо. А поскольку других вариантов Вселенский Разум не подсказал, я нагло наметил себе совершить чудо самолично, без помощи и поддержки фатума, рока и судьбы-индейки.

Вечером в чужом и непонятном городе, если ты не турист, (который тщательно изображает страсть к узнаванию неизвестного), чувствуешь себя в меру паршиво. Особенно, когда не знаешь, где поесть и без приключений поспать. Я пошел прямо от дома, где жил дядя Яша, у которого на единственном колене уже, наверное, терпеливо отсиживала положенный предварительный срок желанная на всю ночь женщина. Прямо – это неизвестно куда. Я и днем-то по городу не успел побродить, поэтому в память не упал никакой конкретный путь. Шел просто по улице, на которой фонарей, естественно, не было задумано. Поэтому маяками для меня работали мутноватые от торчащих на каждом окне лимонных кустиков огни лампочек ватт по шестьдесят. Я знал уже от учителя Шапошникова, что город стоит на семи довольно крутых холмах и улицы поэтому с холмов бросались вниз как потенциальные утопленники, с отчаянием от безвыходности. Они падали до конца одного холма и оказывались прямо у похожего подножья холма следующего.

Если сверху улицы смотреть вдаль, то кажется, будто соседний домик стоит километрах в трёх от предыдущего. Все остальные утонули в глубине впадины. Знать, что они там есть, могли только местные, свои. Со всех сторон, на спуске и подъеме с улицы и во дворах павловские жилища заросли большими и маленькими деревьями, какими-то незнакомыми мне кустарниками с голубыми и желтыми ягодами. Они прятали аккуратные, увитые разномастной резьбой домики. Город был, но его как бы и не было. Он хранился от чужих завистливых глаз в глубинах и на высотах холмов, почти незаметный в полутьме. И от этого над всеми семью холмами города Павлово-на-Оке кружилась замаскированная под облака добрая сказочная тайна древнего поселения. Но тогда какая-токая нелегкая случайно занесла городок чьей-то шальной волей на бугры да в ямы?

С этими философскими упражнениями в уме я и спустился с холма, и поднялся на холм. По дороге, конечно, возникало неосмысленное желание постучаться в какой-нибудь забор архитектурой попроще и попроситься переночевать. Но мешала поговорка или, может, поговорка о том, что не зная броду нет смысла лезть в воду. Может быть тут не принято пускать на ночь в дом приبلудного юношу. Хотя, по сказкам помню, Русь славилась вот как раз таким спонтанным гостеприимством. Заходи, поживи любой, коли кровя нет. Но то, однако ж, сказки, хоть и народные.

По другой стороне улицы шла молодая мама с пятилетним дитём, орущим типичную для малолетних попрошайек невнятность.

– Девушка, добрый вечер! – крикнул я, хотя улица была узкая. Можно было и шепотом спросить. – Скажите, а где я сейчас, на какой улице и где центр города?

– Здравствуйте! – женщина подтянула поближе к бедру горластого сына и он заглох мгновенно, как машина, у которой кончилась последняя капля бензина. – Так Вы уже фактически в центре. Сейчас вверх метроов сто-о, по-отоом на углу увидите статую кузнеца с моолоотоом. Воот перед ней по-оворачивайте налево. Про-ойдете квартал и повернете направо-о, на Нижегородскую. Самый центр. Магазины ещё рабо-отают. А музеи уже закрылись. Надоо было-о по-ораньше вам.

– Нижегородская – это бывшая Торговая? – я уже пошел вверх. – Спасибо!

– Торговая, да! – крикнула вслед женщина, после чего, видно, отторгнула пацана от бедра и он снова заорал что-то типа «А Ваньке мамка купила, а ты мне не купила!»

По Торговой улице идти стало легче. Она бежала ровно, не подпрыгивая и не ныряя в темень. Да и темени на ней не было. Фонари, подсвеченные витрины магазинов, неоновые названия столовой, музеев и дома культуры «В свободный час» успокаивали светом и устраняли чрезмерную таинственность темноты. Плюс два каких-то административных солидных здания, швыряющие на брусчатку площади щедрую порцию света почти из каждого своего окна, делали город похожим на город. Маленький, но симпатичный своим странным сочетанием домов девятнадцатого и начала двадцатого веков с неоновыми, разноцветными, небрежно танцующими буквами и люминесцентными фонарями, которые превращали начинающуюся ночь в день. Пусть хотя бы на одном, но довольно сильно расплюсненном пятаке центральной площади.

Я сел на скамейку возле музея замков, в котором был днём и достал из кармана «Приму». В пачке вольно болталась последняя сигарета. Я сунул руку по локоть в свой могучий портфель и, не заглядывая, разводил в стороны вечные пряники, блокноты и ручки, бритвенный прибор с кисточкой и московским одеколоном «Арамис». Сигарет в портфеле не было. Незаметно выкурил все пять пачек за три дня. Это означало, что дальше все события будут выглядеть более нервными потому, что без курева я становился суетливым и злым.

Вспомнил дядю Яшу и его папиросы «Байкал», издающие терпимое курильщиками зловоние табачных отходов. Ну, это когда в папиросу суют табак чуть ли ни от самого корня до макушки, включая сюда ствол растения и исключая листочки. В народе такой убогий табак называют – «филич». Я сейчас с радостью подымил бы сразу парочкой байкальского

«филича». Но в моей пачке ждала своего часа последняя сигаретка, а впереди маячила ночь без сна под крышей и хотя бы на раскладушке.

Спать было негде. Ну, я вспомнил Городец, ночевку в доме культуры меж бильярдных монстров-столов, вполне годный для мирного сна матрац и решил трюк с очередным очагом культуры повторить. По пути выкурил треть «примы», аккуратно примял «охнарик», бережно поместил его в пачку, свернул пачку почти в рулон и опустил драгоценность между двумя блокнотами. Для надежности. Дом культуры «В свободный час» светился мягким приглушенным светом в большом вестибюле. Я постучал кулаком в стеклянную дверь. Ничто в вестибюле не изменилось. Не мелькнула в недрах холла тень бдительного сторожа, не завывала охранная сирена, не зазвенел чуткий к проникновению без разрешения звонок. Я колотил дверь еще минут десять, пинал её ногой. Очаг культуры безмолвствовал. Тогда я пошел вдоль здания и стучал во все темные и освещенные окна, попутно выкрикивая одно почти волшебное слово «Эй!» Через полчаса я натурально подустал, посидел на гранитных ступеньках Дома культуры еще немного и дошло до меня, что его просто никто не сторожит, поскольку содержимое дома не привлекает даже мелких форточников. Взял портфель, сделал круг почета по периметру площади и стал ждать хоть какой-нибудь автомобиль, в котором точно будет хоть один живой человек.

Автобус, видимо последний, приехал на площадь к музею самоваров минут через двадцать. Я подбежал к нему как собака к ноге хозяина и, заглядывая в глаза водителя, спросил, не довезет ли он меня до набережной Оки?

Шофер заулыбался, как будто ночью в родном городе напоролся на звезду экрана первой величины.

– А то как же не довезти! – еще мощнее заулыбался он – Я зараз туда и еду. Давай, хлопчик, с той стороны уже дверь открылась. Полезай давай!

– Только мне платить нечем, у меня деньги украли. – Почти жалобно сказал я. Чисто жалобно не получилось.

– У меня, хлопче, тожить стибрили тугрики. Давно, правда. В армии ещё. Батько прислал на именины. С Полтавщины. А ночью из-под подушки кто-то тиснул деньжата. А как лихо зробив! Я чуткий, и то не проснулся... Давай, седай! Не деньги красют человека, а человек сам по себе прибавочная стоимость.

Под эту оглушительно умную фразу я запрыгнул в ПАЗик и через пятнадцать минут непрерывных взлетов на холмы и контролируемых падений с них шофер остановил автобус и торжественно объявил: – Це вона и буде! Ока.

Поблагодарил я водителя, руку пожал и спросил:

– А вы чего сюда с Украины-то? Там же хорошо. Благодать.

– Где нас нет, там и хорошо. А так если, по правде, то за жинкой поехал. Она местная. К нам приезжала на практику из Горьковского института. Позвала меня сюды. Тут и поженились. Гарна, скажу, дивчина. Пять лет живем, а как один день. Хороша, зараза!

Он радостно шлёпнул обеими руками по рулю, мы еще раз попрощались, я пожелал ему, чтобы они с жинкой жили долго и в один день померли. И мы расстались. Он поехал быстро и красные фонари габаритные вскоре канули в темноту.

Я пошел на плеск воды и довольно быстро оказался на высоком склоне. Ока несла свои знаменитые воды где-то далеко внизу. В темноте спускаться туда я побоялся. Сел на край склона, похожего на обрыв, достал пряник, отломил от него немного и машинально сунул в рот. Ни о чем не думалось. Ничто не вспоминалось. Устал. И вот когда пряник уже почти рассосался, сбоку от меня послышался разговор двух мужчин. Голоса приближались, скрипела под четырьмя ботинками трава и вдруг из непроглядной темноты один из них сказал:

– Эй, орел! Ты чего тут завис? Пошли с нами.

Как они меня увидели с такого расстояния? Я вытянул руку и концев пальцев не разглядел.

– Да ничего. Я пока тут прилягу. Устал немного. Вы куревом не богаты, случайно? А то уши пухнут, честно говоря.

– Не богаты – сказал низкий бархатистый голос. – Тут богатых не бывает. Но папироски пока имеются.

Неожиданно прямо перед моим лицом появилась огромная ладонь. На ней лежали три папиросы. Я сгрёб их в кулак и стал вглядываться туда, откуда появилась здоровенная, как саперная лопатка, ладонь. Но никого так и не увидел.

– Ну ладно, – сказал голос тембром без бархата и поглубже. – Кури тут тогда. Спать лучше назад отойди. Там трава мягче и ветра нет. А мы пошли. Захочешь – утром спускайся. Нам люди всегда нужны.

И они, сбивая на спуске мелкие камешки и создавая движение песку, пропали внизу.

– В Москве при той же ситуации пришибли бы простой палкой, – подумал я без эмоций, закурил. Оказалось, дали мне «Север». Потом поплевал на окурок, затер его до мундштука туфлей. Потом в полусне нащупал позади портфель, уронил на него буйную свою головушку и перед тем как отключиться успел подумать о том, что с завтрашнего утра у меня больше не будет и этой жизни. Начнется какая-то другая. Совсем другая. Какая?

Но этот вопрос я задал себе уже в неровном, тревожном, прерывистом сне.

До утра ещё была целая вечность и шесть часов...

Глава шестая

Утро я сначала услышал, а увидел на три секунды позже, когда подпрыгнул и понял, что стою на траве. Разбудил меня шипящий и подвывающий треск тормозов чего-то большого, которое теоретически уже меня переехало, но практически остановилось в полуметре от ног. Потрясло меня то, что я не просто перешел из лежачего положения в стоячее. Вроде как подо мной из дряхлого матраца прорвались сквозь парусину все пружины сразу и катапультировали спящее моё тело. Я обалдел от того, что под мышкой у меня был зажат мой толстый от пряников, бумаг и бритвенного набора портфель. Если бы это происходило в армии, то оделся бы я, набросил бы берет свой голубой, навернул портянки и защёлкнул ремень не за сорок пять секунд, а за пять. И мог бы получить благодарность от сержанта.

Передо мной стоял огромный как три слона, поставленные друг на друга, трактор «Кировец», а сверху, с высоты второго этажа, как курица с насеста, спорхнул худой, похожий на колос овса сивый паренёк.

– Мать твою распратак, да в рот тебе компот!! – верещал во время полёта тракторист, а когда спланировал на твердь, сразу протянул руку и назвался: – Лёха Николин я. А ты чего тут раскудрявился? Тут махонькие машинки, вишь ты, катаются. На метр в землю тебя вдавит и не заметит. – Лёха сделал уважительное выражение тощего лица и показал его трактору.

– Я думал, что ты или помер, или пьяный в полную негодность, – Лёха мгновенно поменял выражение лица на умное и три раза, прислушиваясь к звуку, пнул колесо ногой в армейском ботинке. Колесо мягко зашумело внутри, а ботинок затрещал, но сохранил прежнее целое состояние. – А ты чего тут ночью делал? Да ещё один, без девахи? Только не говори, что от стада отстал на ночь глядя. Я вижу. Ты ж не турист. Ты кто вообще?

Я подумал, что если сейчас начну рассказывать всё с начала до текущего момента, то Лёха не осилит весь текст, поскольку явно торопится. Возможно, завтракать. Тогда он и половины исповеди не выдержит. В связи с этим предположением я в пять минут втиснул весь свой путь от редакции до ночевки на этом откосе, где он меня почти переехал, и стал ждать реакции. Но Лёха, уяснив, что я не турист, а тоже на работе, вообще не стал реагировать никак.

– Так ты хочешь вниз спуститься? – спросил он, продолжая аккуратно пинать все колеса.

– Ну да, хотелось бы искупаться сейчас и посмотреть, что там мужики делают. Вечером вчера двое туда спускались, дали мне закурить и с собой звали. Люди, говорят, нам нужны. А там что?

Лёха тщательно осмотрел свои ботинки и, прихрамывая от усердного избиения колес, пошел к ступенькам, ползущим к кабине.

– Там ватага, – он криво ухмыльнулся и поставил ботинок на нижнюю ступеньку. – Вроде как артель рыболовная. А так-то – никакой артели. На бумаге только. Там типа мастерских что-то такое. Лодки смолят. Моторы чинят от катеров, да от лодок. А, так красят же их ещё! И лодки, и моторы. Да и катера облезлые подкрашивают. А там кто ни попадя вкальвает. Беглые в основном. Кто от тюрьмы, кто от жены, от алиментов ховаются, другие просто приклю-

чений ищут на свою задницу. Скучно им дома. Но больше всех там бичей. Пацанов без паспорта, без хаты своей, без семьи и без родины.

Куда чего дели – и сами не помнят. Дует им какой-то дикий ветер в спину и гоняет по русским землям. Документов нет – не сиди долго на одном месте. Бегай, да тырся по глубинкам, где власть не ходит. Тогда поживешь на воле, сколько повезёт. И татары там, и корейцы, с Украины хлопчиков полно, молдаване есть. – Лёха протер зеркало рукавом рубахи со второй ступеньки и подтянулся на поручнях сразу до четвертой. – А тебе там чего делать? Про них писать? Так нечего писать. Кто ж напечатает, что у нас в СССР неучтенные, лишние для жизни людишки прозябают, жизнь свою морят? Не напечатает. То-то. Потому, что у нас в СССР всем всё уже дано по потребностям и обеспечено равенство, а к нему выдано каждому счастье социалистических преимуществ.

Я прикинул – смог бы я на одном дыхании протарахтеть целиком и без сбоев эту же речь и решил, что вряд ли. Лёха, видно, был тут краснобаем и считался, наверняка, умным.

– Это на курсах трактористов учат так складно говорить? – я закурил «бычок» своей глубоко заныканной сигареты и держал её за самый кончик, чтобы не искать потом бесплатную мазь от ожогов.

– Это в Томском политехе учат, – серое тощее его лицо озарилось на миг каким-то светлым воспоминанием. Из тех, которые любую минуту делают маленьким праздником души. – Я этот политех закончил два года назад. А мне распределение дали в Туркмению. На завод по ремонту передвижных электростанций. А мне батя сказал, что я последний придурок буду, если после Томского политехнического поеду в Туркмению. Ну, я и не поехал. Два года уже тут на тракторе плуг таскаю. Ещё год покручусь здесь, потом посмотрим. Батя обещал в Новосибирске помочь устроиться. В Академгородок. Через три года все в институте про меня совсем забудут. Точно говорю.

Он забрался, наконец, в кабину и зевнул.

– Не выспался ночью. Читал Библию. Ветхий завет. Мудрая книжка, скажу тебе. Зря у нас религию пригнули-придавили. В ней какая-то сила спрятана. Вот дочитаю, тогда её пойму, силу эту. А ты давай, лезь ко мне, поедem в Павлово. Позавтракаем. У тётки Наташки. Комнату у неё снимаю. А потом ты до вечера погуляй по городу. Тебе на ватаге бугор нужен. Старшой. Сам ватаг. Татарин там один. Музафаров. Он только после шести вечера приходит. А без него там с кем говорить по делу? Не с кем. Поехали.

Я отряхнул брюки от травы и пыли, закинул в левую дверь портфель, который плюхнулся на сиденье и скрылся с глаз моих в разбуженной пыли.

Запрыгнул в кабину, поставил изменившийся цветом портфель на колени. Пыль с него быстро ссыпалась на брюки, а сам я сидел, погрузившись на сантиметр в толстый как общая тетрадь слой серого, перетертого в порошок разными колесами, грязного грунта. Трактор дернулся как трусливый больной от укола толстой иглой. И мы поехали к тётке Наташке на завтрак.

– А что, посолиднее работы для инженера из Томска нет в Павлово? С высшим образованием плуг таскать – большая роскошь для этого образования.

Я разговаривал и попутно подпрыгивал на ухабах вместе с портфелем, и каждый такой прыжок извергал килограмма по три пыли с сиденья. Она оседала медленно и какие-то мгновения не видно было ни дороги, ни Лёхи. Сам он не подпрыгивал, потому, что как клещ намертво впился в огромный руль. Я только теперь понял, почему лицо у него серое. Умывался он, похоже, только после работы. А пока скакал по просёлочным дорогам целый день, мыться смысла не имелось никакого.

– Я сюда не вслепую приехал, – заорал Лёха громче мотора, – А у моего кореша из Томска тут сестра с мужем. Муж здесь небольшой начальник на заводе ПАЗ. Вот кореш-то им письмо написал, что меня надо куда-нибудь трудоустроить. Через две недели ответ пришел. Пусть, мол, едет. Ну, приехал я, диплом показал мужу Веркиному. Он предложил его спрятать, но запомнить куда спрятал. Не нужен тут диплом. Иди, мол, в райсельхозуправление к Никитину Иван Ивановичу. Он тебя пошлёт на месячные курсы трактористов. Погоняешь три года «Кировец» по полям, землю полюбишь. В соцсоревновании всех победишь. Ты ж инженер! У тебя получится. А чё! Я тут не последний на пахоте. Сейчас вон целину поднимаю за городом. Новые поля будут. Под ячмень и просо.

Внезапно пыль осела и мотор выключился. Я глянул сверху в сторону. Мы стояли возле деревянного, крашеного темно-синим цветом дома с палисадником, вокруг которого как заводные игрушки вразвалку, но шустро бродили куры, кланяясь без остановки всему, что можно было клюнуть. Это мы приехали к тётке Наташке завтракать.

Сама тётка как раз поливала лимоны, которых на каждом окне было по два. Лимоны в маленьких кадках стояли на столе, на тумбочках, на комодке и даже на полу. Кроме лимонов в комнате сразу, как только мы в неё вошли, полоснули по глазам пестрые, яркие, абстрактные вышивки какими-то необычными петлями. Они были толще и тоньше, уже и шире, длиннее и короче. И всё это составляло не рисунок, не орнамент или узор, а именно картину без сюжета, но с претензией на кубизм. Он уже был в моде. Всё, что в доме состояло из ткани, тётка Наташка расшила петлями. Подушки, салфетки, одеяла, занавески, хозяйственные полотенца и тёткин фартук были вышиты живописными квадратами, ромбами, кругами, треугольниками не сочетаемых цветов. Даже три иконы в красном углу были прикрыты с боков белыми полотнищами из блестящего белого плиса, расшитого нитками скромных, но всё же броских тонов. Такого я не видел больше нигде и никогда.

Сама тётка Наташка, пухлая краснощёкая, рыжая как лиса дама, которой, по внешнему виду судя, жутко не желалось выглядеть на свои сорок с хвостом. А хвост рос безжалостно быстро. Поэтому она была в блузке с серьёзным декольте. Блузка имела сумасшедший оранжевый цвет, и категорически противоречила узкой зеленой юбке с вышивками в неожиданных местах. Под глазами она нарисовала жуткие синие тени, похожие на фингалы после большой драки, а также покрыла надутые здоровьем губы перламутровой фиолетовой помадой. В целом она была похожа на клоунессу из безвылазно гастролирующего цирка шапито.

Какая-то идиотка, скорее всего подружка, насоветовала ей вот этот способ удержать сбегаящую молодость. И сама, наверное, выглядела ещё страшнее. Но во всём остальном тётка Наташка никому не подражала и оказалась отличной собеседницей, прекрасным поваром и человеком с тонким чувством юмора. Я провел у неё замечательных два часа, наелся дня на три вперед и нахохотался от её добродушных и действительно смешных шуток так плотно, что на время даже забыл, что я не долгожданный гость, а человек без паспорта, по горло увязший в проблеме скитальческого бытия.

– Спасибочки за хлеб да соль, Наталья Викторовна! – Лёха полез в карман рубахи, достал три рубля, пришлепнул их к столу и поднялся, потянулся. – Сейчас бы прикорнуть часика на полтора, но не поймут на работе. Поехали мы.

– А ты что-о, тооже на тракто-ориста учишься? – фиолетовые теткины губы растянулись аж до красных щёк, когда она перевела взгляд с трёх рублей на меня. – Чтоо-то-о не поохо-оже.

– Стасик- корреспондент из Нижнего, из «Ленинской смены». Командирован на неделю по райцентрам со спец. заданиями. Хошь, он возьмет, да и про тебя напишет! – Леха захихикал, прикрыв рот ладошкой, и мне с чертенком в глазу подмигнул.

– Ехай, давай! – тетка Наташка невесело усмехнулась и развернула Лёху к двери передом, к себе задом. Подтолкнула его в спину и закашлялась. – Проо меня не напечатают. У нас в стране таких по-оганых жизней, как у меня была ишшо-о пять лет назад, не должноо быть, не бывает и нету! У нас все счастливы, живём все радостно-о и идем к светло-ому будущему, аж бегоом ноги лоомаем!

Вышли во двор. Ехать с Лёхой на поле мне не хотелось. Он это тоже понял и дал руку.

– Ну, давай. Вечером приходи. У нас заночуешь. Ты куда сейчас?

– Да не знаю. Пойду просто похожу, посмотрю.

Следом вышла тётка Наташка, остановилась на крыльце и от её клоунского наряда и двор, и утро стали смешными и яркими.

– Ты во-он поойди вниз по-о улице, раз время надоо убить, спустись доо ко-онца. Там поово-ороот направоо. Иди, гляди на правую стооро-ону. Увидишь красный до-ом из кирпича. Крыша синяя, забор и палисадник ещё краснее доома. Во-от туда, в во-ороота по-остучи. Выйдет мужик лысый. Звать его Максим Михалыч. Поопр-осись к нему двоор и доом внутри по-осмоотреть. Скажи, коорреспондент ты. Пустит. Оон хо-орооший. А ты такоого нигде бо-ольше не увидишь. И но-очевать приходи, если не найдешь- где ещё.

Она развернулась и, крутнув молодецки бедрами, скрылась во тьме сеней.

– Она раньше пила по черному. – прошептал Лёха.– Начала после одной беды. То есть, с горя что ли. Она на молочном заводе работала. А там все приворовывают, молоко таскают, да продают подешевле. Ну и она туда же. Вырыли они с бабами дыру под забором подальше от окон. Ну и каждый вечер по фляге туда проталкивали. А там ждал механик заводской на «Иже» с люлькой. Ну, на пятой фляге их отловили сторожа. Наташку уволили и ещё одну.

А Павлово – деревня. С виду только – вроде городка. На работу её уже никто не берёт. Никуда. Наташка, значит, помыкалась с полгода, искала куда пристроиться. А потом где-то познакомилась с дурой одной. Померла она в том году. И та её прирастила хлебать пойло разное. Муж Натахин, тёзка мой, смотрел на это, оттягивал её как мог, уговаривал бросить. Она вроде пообещает ему, что всё, конец. Потом по новой. Ну, он через полгода и уехал из Павлово. Куда – неизвестно. И с концами. А ей тогда 35 годков было-то всего.

Вот после Лёшкиного побега она совсем с башкой рассталась. Так наедалась самогоном, что в чужих дворах спала, до дому не доползала. У неё дом стал как притон. Мне тут местные рассказывали. Жрали с толпой доходяг эту пакость ведрами, песни орали, морды квасили друг другу и как-то сарай подожгли по беспамятству. Ну, приехали пожарные, милиция. На Наташку протокол написали. А через неделю к ней скорая помощь подогнали, милиционеры, наверное, да отвезли её в Нижний, в спецбольницу для алкашей. Месяц чего-то ей кололи и потом вшили «торпеду» в спину и сказали: капля в рот – ты сразу в гроб.

И ты представляешь – дошли слова-то. С того дня – ни капли. Дом по новой отскоблила-покрасила-помыла, лимоны завела, вышивать стала, петь ходит в клуб, в кружок вокала. Замуж пытается выскочить, молодость тужится вернуть. Сам же видел? А ей уже сорок шесть в ноябре щёлкнет. И пока не получается ни замуж, ни помолодеть. Краской на волосах да на морде, ну и кофтами попугайскими, из которых титьки высовываются, молодость обратно не заманишь. И мужика нормального не зянешь. Да нормальные, они все с женами да детишками. Несчастливая баба. Жалко её. Летом огурцы и морковку вырастит и продает. А чего с них, с огурцов, деньги что ли? Ну, вот я ей плачу за квартиру и за еду. Ничего. Уже полегче ей...

– Так это ты и за меня заплатил сейчас? – перебил я.

– Ну, а как? Нас же двое. – Лёха посмотрел на часы. – Ехать надо. Пора.

– А мне тебе отдать нечего. Ни копейки нет. Карман подрезали на катере в первый же день.

Лёха покрутил пальцем у виска

– Лучше бы я тебя утром переехал. – он уже шел к трактору и почти правильно свистел мелодию Битлов «Yesterday».

Красный дом с синей крышей я нашел, считай, мгновенно в связи с ускоренным спуском с холма. Во время которого, между прочим, успевал замечать удивительные, аккуратные домики с точеными орнаментами и резными инкрустациями в ставни и под крыши. И в каждом окне росли лимоны, лимоны и лимоны, от которых к концу пробега в глазах моих прыгали ещё минут пять золотисто-желтые круги.

Лысый Максим Михайлович в майке цвета сочинского загара и в голубых парусиновых штанах сидел на лавочке у ворот и читал газету «Труд» с удивленным выражением на довольно красивом суровом мужском лице.

Я поздоровался, сказал кто я, откуда и зачем пришел к нему в гости. Не отрывая глаз от удивившего его текста, Максим Михалыч подвинулся на скамейке, что означало: садись, подожди. Сейчас дочитаю. Я сел и тоже заглянул в газету. Там выделялся крупный заголовок «Французские фермеры хотят купить пятьсот гектаров земли в Вологодской области». Статья под этим заголовком удивила Михалыча так сильно, что он уже и не читал, а просто уставился в то место, где была статья и, похоже, пытался избавиться от удивления.

– Да кто ж им про-одаст землю, дуракам! – подвел он итог чтения. – У нас не проодается земля. Она го-осударственная. Воот дураки-тоо. Землю вздумали по-окупать. Билеты воон

по-окупай и чеши обратно-о. К женам французкам. И делай там сыр, лягушек вари, виноо делай. Тьфу ты. – Михалыч отложил газету и протянул мне руку: – Максим Михалыч я. А ты?

– Я Станислав. Из Нижегородской газеты корреспондент. Хочу вот посмотреть ваш дом и двор.

– Этоо запросто-о! – с пафосом сказал Максим Михалыч и здоровенной рукой, не отрывая зад от скамейки, распахнул калитку.– Воон дво-ор. Иди смоотри по-ока. А я тут до-очитаю и тооже приду.

Я переступил порожек калитки и замер от фантастического видения.

С левой руки по кругу в правую сторону двор был заселён кадушками и кадушечками с лимонами и юными лимончиками. Стоял этот почетный караул в три яруса. Самые большие укрепились на земле. За ними на скамейках невысоких были кусты не такие могучие, а ещё дальше ряд – на скамейках с длинными ножками – уплотнен был начинающими лимонами. Пацанами. Нет, с почетным караулом я погорячился. Лимоны, стоящие в три ряда друг за другом были больше похожи на хор. Церковный, или имени Пятницкого, а может самодетельный из клуба, но напоминали они стройный хор. И на мгновение я даже с испугом представил, что сейчас они запоют. Ну, там, скажем, приплатненную песенку «Лимончики». Но, слава богу, они мирно паслись прямо под тёплым небом, раскинувшись в разные стороны ветками, усыпанными желтыми, похожими формой на куриные и утиные яйца, лимонами. Они честно тянули срок отсидки под голубым небом, впитывали в себя солнце, толстели и усердно вырабатывали хлорофилл.

Сзади, сворачивая на ходу газету вчетверо и тяжело топая по земле отечественными страшными плетенками, подкрался Максим Михалыч.

– Такоое видал ко-огда нибудь где-нибудь? – засмеялся он хрипло и громко. Слова, смех и хрипотца от непрерывного, видимо, курения, все вместе произвели над моим ухом эффект громового раската. Голос у Михалыча был на два тона ниже, чем обычный мужской, и он вполне мог бы петь басовые партии в опере или в церкви. Но он разводил лимоны. Причем во дворе купалась в солнечной погоде всего, наверное, треть его богатства. Потому как в доме все два этажа были забиты этими замечательными растениями от пола до потолка. Ходить там было негде. Просто невозможно. Мебели никакой Михалыч не держал. За лесом раскидистых кустов с плодами и без них фрагментами проглядывалось что-то, напоминающее кровать. Не было даже стола. Вернее стол был, но на нем по всей площади росли в горшках молодые лимоны.

– Ну? – прогромыхал Михалыч.– Чего не фо-отографируешь, ко-орреспоондент? Давай по шустрому. Я тебе потом ещё два чуда покажу!

– Вон там что, кровать? – Я достал свой «Зенит TTL» из портфеля. С футляра на пол сыпалась почти горсть мельчайших крошек от пряника.

– А мне на по-олу надо-о спать? – страшным басом заржал Михалыч.– Кровать, а то что же ещё. Спать хоожу по-олзкоом по-од нижними ветками. Поока про-олезаю. Хотя, гадость такая, уже стоо десять кило-о воо мне. Старею по-отому чтоо. Спорт бро-осил десять лет

тоому назад. Гиревик я был уважаемый тут. О-область выигрывал раз пятнадцать. На Со-оюзных выступал. Где-тоо есть по-од кроватью в чемо-одане медаль броонзо-овая.

– У меня тоже есть шесть штук медалей за областные и республиканские соревнования. Одна золотая, остальные серебряные. Я легкоатлет. Первый разряд А уже семь лет карате ещё занимаюсь. В армии начал.

Я так увлеченно расхвастался, что перестал фотографировать.

Михалыч посмотрел на меня как на любимый куст лимона и прогудел что-то про то, как он уважает спортсменов, спорт вообще и меня в частности за мои успехи, а ещё минут десять его могучий голос произносил оды всем видам спорта. Не назвал он только шахматы.

На этой теме мы с ним душевно срослись и укрепились в добрых чувствах друг к другу. И он повел меня в другую комнату, в свою святая-святых: в лабораторию селекционера, показывать первое чудо. В светлой комнате на окнах, на полу и на стенах располагались разнокалиберные аквариумы, на четверть заполненные цветной желто-зеленой жидкостью. Как он прикрепил аквариумы к стене, я даже спрашивать не стал, поскольку после часа, проведенного в его доме, я понимал уже, что Михалыч может всё. Как старик Хоттабыч.

Аквариумы были забиты под завязку веточками лимонов с маленькими, только просыпающимися листиками.

– Ни фиги себе! – выскочили из меня восторженные слова, которые на практике обозначают сразу много чувств: удивления, восхищения, потрясения и похожих других.

– Воот моя жизнь. Она тут. В о-одну коомнату вмещается вместе с черенками.

– Зачем черенки, когда готовых лимонов девать некуда? – Я вытащил осторожно, как живое, хрупкое маленькое существо, тонкий прутик с десятью крошечными листиками, только что проломившими почку.

– Воот о-они меня коормят. О-они мне дают деньги на эксперименты и выведение ноовых со-ортов. У которых и здоровье получше и урожаи побольше. – Михалыч бережно забрал у меня черенок и аккуратно вставил его обратно в общую массу. – Я проодаю их туристам со-о всей страны, зарубежным гоостям и целым о-организациям. В Сибири моои лимоны о-от этих черенков живут. На Кавказе, где и сво-оих полноо, мои лимо-ончики боольше любят. В Туркмении мо-оих мно-огоо, у узбеков, да воон в Мо-оскве самоой поочти миллио-он черенкоов мо-оих лимо-онами стали, а в Нижнем во-ообще не соосчитать.

Потом он рассказывал громко, сотрясая голосом жидкость-подкормку в аквариумах о том, что мечтает по всему миру павловские лимоны распустить, потому как они несравненны с любыми другими и расти будут везде. Хоть за полярным кругом. Он размахивал руками, бегал от аквариума к аквариуму, доставал и показывал разные черенки от разных сортов лимонов. Попутно он очень радовался тому, что Павлово уже стал лимонным брендом в СССР, а не только кузнечным и самоварным, ножевым и замковым. И очень благодарил того неизвестного, забытого теперь по имени купца-турка, который ещё в 1860 году привез и подарил павловцам каких -то пять-десять черенков. С них и началось всеобщее помешательство всех без исключения павловцев на этих экзотических фруктах.

Выдохнув после изматывающей энергичной речи, Михалыч вытер рукавом вспотевшую лысину, закурил, закашлялся, сел на корточки и сказал, гулко и сипло:

– Ну, тут всё! Это ты увидел, поонял и запо-омнил. А теперь поойдем во-о дво-ор снова. По-окажу чудоо но-омер два.

За хоровым строем дворовых лимонов он установил синий забор из штакетника. Забор тянулся от калитки метров на тридцать влево и вправо на пятьдесят примерно. Через дырки в штакетнике были видны низкие кусты синего же цвета. Как сам забор. Когда мы зашли в калитку, я остановился, будто меня прибили к земле большими гвоздями. Я увидел реальное чудо. Примерно тысяча кустов были синими от продолговатых небольших ягод. Точнее даже – сами ягоды были не синими, а тёмно-голубыми с сизым налётом. Они облепили кусты как маленькие летучие мыши любимую стенку в пещере. Руку невозможно было просунуть до главного ствола, чтобы не задеть десятка три ягод.

– Что это? – проглотив слюну, выдавленную вкусным видом всего ягодного изобилия, сказал я чужим, по-моему, голосом.

– Татарская жимо-олюсть! – Максим Михалыч гордо поднял к небу указательный палец. – Местное чудо-о-ягоода. Нет боольше ни у ко-ого. Тоолько-о у меня. Проодаю даже за границу. Ну и свои разбирают по-о десятку килоограммов. По-о ведру минимум. Нижего-ороодские берут, моосквичи приезжают с десятко-ом ящикоов в багажниках. Поойди, со-орви, попробуй. Рассказывать потом будешь народу. Про меня гоово-ори: где живу, как найти. Пропаганду делай мне.

Я забылся в кустах минут на двадцать. Съел килограмма два, не меньше. И оторваться сил не было. И совесть куда-то канула, как и не было её никогда.

Вышел я из зарослей жимолости татарской с голубыми губами и пальцами.

Михалыч ещё полчаса рассказывал о том, как выгодно выращивать сразу илимоны, и черенки, и жимолость. Мы в конце встречи долго прощались, трясли по-мужски мощно руки, похлопывали друг друга по плечу и обнимались.

– Возьмешь черенка три? – спросил он – Я тебе так дам, бесплатно. По-одарю.

Я, конечно, вежливо отказался. Куда мне с черенками деваться? Как их сохранить? Где я буду завтра и что подкинет мне новый виток забега по замкнутому пока кругу, не было ясности и даже расплывчатых предположений.

Через час я, пахнувший ароматом ягоды и цитрусами, уже сидел на обрыве выше Оки, на том же месте, где вчера лег спать. Я бросил портфель рядом на траву, свесил ноги с обрыва и разглядывал мелких человечков, копавшихся на берегу возле лодок, изучал хлипкие строения из досок и фанеры, поставленные чуть выше, воды и ждал. Чего ждал, не знаю. Сидел я так минут десять, не больше. До тех пор, пока один из плохо различимых человечков не зама-хал руками, не засвистел и не закричал, перешибая голосом громкий шелест бегущей большой воды: – Эй! Там, наверху! Чего сидишь? Спускайся!

Я стал спускаться, потом вернулся, взял забытый портфель и побежал в то место, откуда меня позвали.

Кто позвал, зачем и что будет дальше знал, видно, один только Господь Бог, в которого я тогда еще не верил, но чьей воле не имел сил сопротивляться. Оставляя за собой шлейф песка и пыли я бежал в объятья новых неизвестных и бесконечных приключений человека без денег и паспорта.

Глава седьмая

Пыль с мелкими камушками и влажным песком долетели до встречающих меня внизу рабочих намного раньше, чем из порошка пыли и песчаного занавеса обозначился я сам. Поэтому на подлете к мужикам я с минуту слушал однотипные, чтимые в народе матюги, общий смысл которых означал: – Ну, ты, парень, почему так неаккуратно спускаешься!? Вон, полные рты и глаза у нас пыли твоей. Маме твоей мы бы передали, что у неё не в ту сторону воспитанный сын! Ради какого удовольствия ты несёшься, словно дикий мустанг?

Реальный текст я передать здесь не могу. Мама всё же воспитала меня правильно и научила фольклорную мужскую лексику прилюдно не использовать и, тем более, не оскорблять ею речь письменную, литературную. Когда на берег упала последняя песчинка и сдуло вбок навязчивую пыль, я увидел шестерых мужиков, которые протягивали мне черные от какого-то дела ладони. Я интуитивно ждал летящих в лицо кулаков и держал руки с портфелем перед собой. Портфель закрывал лицо и пробить его через пряники двухнедельной спелости было пустой тратой времени и сил.

– А человек-то где? – заржали все шестеро и пригнули портфель с моими напряженными руками ниже пупа – А туточки! А вот, ядрена мать, человек-то! Ты кто, красавец? И чего второй день торчишь тут наверху как хрен в огороде? Не шпион? Не из ОБХСС, нет?

– Наиль, – первым подал ладонь огромный молодой парень, похожий на метателя молота и Илью Муромца одновременно.– Из Казани.

– Грыцько я, – длинный жилистый мужик лет сорока пожал мне руку напоказ крепко. Если бы я закрыл глаза, то мне показалось бы, что на руку наступил слон. Я глаз не закрыл, а тоже сдавил его пальцы и ладонь всей моей силой, вынутой на мгновение из прошлых девятнадцати лет занятий спортом. Грыцько слегка побледнел, после чего сбросил хватку и потряс руку аккуратно, дружески. – Ото ж ты к нам на хвылину прийшов, чи шо? Мову-то розумеешь?

– Да, всё понимаю. – Я поставил портфель рядом и поздоровался за руку с остальными. Один был плотный, маленький, мощный, с выпуклой грудью и квадратным лицом. Назвался Евгением из Ярославля.

Четвертый, с желтоватым лицом больного желтухой был из Таджикистана. Имя он носил, противоречащее внешности – Пахлавон. Богатырь, значит. У нас в ВКШ был Пахлавон. Худой, маленький, с редкими как у кота, усами и такой же бородкой. Этот Пахлавон был практически такой же, только без усов, но с плотной, великоватой для его лица черно-рыжей бородой. Видно, родились недоношенными оба и родители вложили через имя в них свою мечту – вырастить своего сына богатырём.

Пятого мужичка, которому уже явно было даже не пятьдесят, звали Анатолием. Он попросил, чтобы я называл его Толян, как все здесь. Наверное, через имя Толян, он ощущал растрепавшуюся о жизнь, но не забытую пока молодость. Рукопожатие у него было быстрым, твердым и коротким.

Последний, шестой работяга выглядел приятно, даже аристократизмом веяло от него. Тонкие пальцы, тонкий рот, изящные движения, как у танцора -примы из Большого. Руку он

подал так, как дают подержать драгоценный камень карат в пять минимум. Он раскрыл её от локтя и свесил плетью, распутив подрагивающие пальцы. Я осторожно и бережно поздоровался с ним и спросил как его зовут.

– Дмитрий Алексеевич, композитор крупных форм. Симфоний и многих вариационных опусов. Сейчас пока прозябаю в творческом застое. Так сказать, в кризисе вдохновения.

Я уважительно слегка поклонился, отпустил его руку и сделал шаг назад. От Дмитрия Алексеевича несло стремительно развивающимся перегаром какого-то ядовитого напитка типа тормозной жидкости. Глаза его, потушенные похмельем, были печальны и тусклы. Понятно было, что муза, как и жена, развелась с ним минимум десяток лет назад. Наверняка он помнил нотный стан и скрипичный ключ, но что с ними надо делать, непрерывное общение с разнообразной бормотухой помогло забыть насовсем уже давно, безнадежно и безвозвратно.

Ну, поздоровались. Надо же было что-то и дальше делать. Говорить, например. Они молчали и глядели на меня одинаково. Вопросительно глядели. То есть от меня автоматически должно было прозвучать обоснование моего настырного двухдневного желания спуститься к ним.

Я опустил на корточки. Открыл портфель, достал сначала пряник, большой как книжка, и подал его Евгению, мощному коротышу. Он стоял ко мне ближе. Евгений за пять секунд разделил пальцами толстый и поживший в портфеле неделю пряник на семь одинаковых фрагментов. Сделал он это без малейших усилий и раздумий. Просто порвал пряник как лист папиросной бумаги, да такими одинаковыми кусочками, что я просто оторопел. Никогда такого не видел. Сила – силой, это одно. Понятное дело – сила. А как получились равные куски?

Пока я стирал с лица своего глуповатое выражение, Евгений раздал разорванные дольки всем. И мне тоже.

– Нет, мне-то зачем? – я улыбнулся и протянул свой кусочек обратно. – Я их уже четыре штуки съел. Целых.

– Брат, не знаю пока как тебя зовут, – Евгений прихватил мою ладонь и мягко вложил в неё мою долю, – но ты имей для себя в памяти. Тут всё у нас одно на всех и всегда всем выпадает поровну. Ты ж теперь, если я не путаю, с нами? Ты ж здесь не за тем, чтобы спросить про наше здоровье? Потому, что ты не доктор. Докторов я много видел всяких. Ты, наверное, спортсмен, судя по виду. Получил травму. Выступать и даже тренироваться тоже не можешь, а больше, как почти все спортсмены, делать ничего не умеешь. Теперь ищешь работу временную. Перебиться в тяжелое время. А искать попутно будешь постоянную. Так?

Ну, тогда я стал рассказывать им всю мою историю, начиная с окончания Высшей Комсомольской Школы и кончая трактористом Лёхой, который и посоветовал мне попроситься в команду ватага Музафарова. Слушали мужики меня без эмоций, молча, не перебивая. Наиль сел на нос одной из лодок, привязанных своими цепями и толстыми веревками к одному швартовочному канату. Канат был петлей накинут на железный кол, вбитый в берег.

В конце моего душещипательного, как я считал, повествования, Наиль зевнул и достал из-под лавки свернутый матрац, раскинул его через две скамейки от носа к корме и каким-то хитрым способом, не проваливаясь, лег на него и закрыл глаза. Грыцко снял брюки, рубаху,

кеды, расстелил брюки на песке, сверху уложил рубашку и на неё кеды. Потом свернул всё это в рулон. Получилась подушка. Её он аккуратно пристроил к большому камню метрах в двух от воды и уложил на неё голову. Туловище, на котором остались только майка, длинные черные трусы и носки, Грыцько бережно уронил на песок и повернулся на бок лицом ко мне.

Композитор Дмитрий Алексеевич слушал мою навороченную событиями историю с приоткрытым ртом и нервно тер тремя пальцами отворот своего старого, бесцветного от постоянно жгущего солнца пиджака. Толян, единственный, задумчиво слушал, но глядел мимо меня на темнеющую воду Оки и жевал губами в моменты самых печальных моих интонаций. Евгений лег на живот, локоть воткнул в песок, а на кулак поставил подбородок. Он глядел на меня так, будто смотрел фантастический фильм про инопланетян, изредка вставляя между моими словами тихий многозначительный комментарий: – «Во, мля!»

Но по выражению лица его было понятно, что похождения мои его не потрясли. Скорее, он комментировал их из вежливости. И только таджик Пахлавон ловил каждое слово, из которых понимал, может, половину. Но слушал он, кивая невпопад головой и потирая ладони, чем и обозначал свой интерес к моему забавному отрезку жизни.

Когда я закончил, богатырь Наиль уже давно храпел в лодке громче, чем волна, бившая гребнем борта. Композитор сказал многозначительное: «Бывает так. А бывает и хуже». И пошел подальше от берега. В кусты.

– Тебе надо бугра дожидаться. Он подъедет скоро. Зови его только Ватаг. И всё вот это же повтори, что нам сейчас говорил. – Евгений поднялся, сделал несколько приседаний, разделся догола, заскочил с разбега в пустую лодку и прыгнул вниз головой под волну.

– Всегда купается на ночь – засмеялся Толян. – Я ему сколько уже талдычил, что потонет когда-нибудь. Всё равно ныряет. Здоровье, говорит, требует воды. А вода несет его, здоровье хорошее, вон оттуда. Толян показал влево, откуда лилась Ока, в наступающую темноту.

Наверху, на дороге, ведущей к мастерским на берегу, заскрипел, затрещал всеми деталями, явно не новый мотоцикл. Он протарахтел над нашими головами и звуки скрипа и щелчки выхлопной трубы стали глуше и дальше.

– Бугор едет.– Евгений начал сложными телодвижениями вынимать себя из воды. По опробованной, видно, не раз дуге, навстречу волне и одновременно навстречу берегу он легко вышел из течения на берег и, ничем не вытершись, оделся. – Да, Музафаров едет. Чего привезет, интересно? А ты, Станислав, всё ему повтори, но скажи, что просишься на месяц. Чтобы взять денег тут. На дорогу до... Как его? А, до Кустаная. И не забудь, зови его только ватагом. Понял?

– Спасибо, понял. – Я почему-то взял машинально портфель. – А он сам подойдет, или мне идти?

– Подойдет, конечно, – снова засмеялся Грыцько. – Он же папиросы привез. Тушенку. Хлеб. Бугор же он! Значит должен рабсилу кормить и травить никотином.

– А водку он вам тоже возит? – Я поправил на себе майку-лапшу и брюки, пятернёй пригладил волосы, но вечерний бриз вернул прическу в привычное уже неказистое состояние.

– Водку, кто хочет, сам ходит брать. В Павлово. Да у нас тут и не пьют никто. Некогда, да и работать потом замучаешься. Ну, а ещё просто денег жалко. И так копейки дают. – Толян заправил рубаху в штаны, равномерно распушил её вокруг талии и ехидно глянул в сторону удалившегося в кусты надолго композитора. – Ему одному не жалко. Ни денег, ни себя. Иногда так колотит его, бедолагу, с бодуна, что ползком ползает или лежит и зовет Господа Бога, чтобы прибрал его к себе. Не слышит, видать, его Боженька. А и слышит, так не берет. На хрена ему такой доходяга? Он там весь ад заблюёт и всех чертей споит, прости господи за упоминание чёрта.

Тут из сумерек как привидение во всем белом и с белым мешком прорисовался сквозь мрак и вскоре истинно не пришел, а именно предстал пред нами, заблудшими, бугор. Ватаг. Начальник и наместник Бога на этом участке Оки. Камиль Музафаров. Однако, никто из бригады в строй не построился, честь не отдал бугру и оду ему не спел. Все как валялись на песке, так и остались. Один Пахлавон мелким шагом, слегка согнувшись, прислонил ладони к груди и просеменил до подножия начальства. Музафаров, не глядя на таджика, разжал руку и мешок полетел в песок. Но со стороны мне казалось, что действие шло в рапиде, то есть в замедленном режиме. И мешок падал как большой кусок тополиного пуха, невесомо и долго. А Пахлавон без особых усилий, так же протяжно отправил к вершине мешка свою слабую руку и не дал мешку коснуться песка. Это всколыхнуло во мне приступ тайного восторга, которого, естественно, никто не заметил.

Таджик, семена пореже, приволок на весу мешок к Евгению и аккуратно поставил его рядом.

– Там двадцать пачек «Севера», десять пачек чая, хлеба шесть буханок, тушенки двенадцать штук, лимонад «Крем-сода», бумага, конверты, три ручки, две колоды карт и брезентовых перчаток шесть пар. – Бугор достал из кармана белого пиджака свернутый в четыре раза белый шелковый платок,

Развернул его и аккуратно разместил на песке. Сел на платок и спросил с улыбкой: – Как, доходяги, дела? Смертельные случаи есть? Нету. Хорошо. Лодки Петровского и Моторина просмолили? Катер с того берега «Быстрый» покрасили выше ватерлинии? Гудрона девять бочек спустили сверху, которые асфальтный цех привез? Ну и последнее. Моторку егеря покрасили желтым нитролаком?

– Всё как по заказу, ватаг, – встал с песка Толян. – В лучшем виде заделали всё задание. И к тому вдобавок ещё один нужник поставили из тех досок, какими катер с того берега расплатился за покраску.

– Нужник – оно надо всем, – похвалил ватаг, закуривая. – Ну, а, скажем, лодку Петровского на два раза прошли гудроном, как я просил?

– Она у Петровского из бумаги что ли сделана? – с вопросительной интонацией сказал Евгений, но получилось утвердительно. Мы её четыре раза прошли, Последний раз не факелом, а по холодному шпателем. Года три он на ней теперь ходит. Но потом она у него сдохнет все равно. Дай бог, чтоб не на середине реки.

Доклад Музафарова удовлетворил. Он докурил папиросу. Замял её каблуком бежевой сандалеты между камешками в песке, поднялся со скрипом. Остеохондроз, похоже, в коленях имел. Потянулся, подняв руки, прогнулся назад поясницей и выпрямился. Меня он увидел сразу, когда пришел, но вел себя так, будто меня не было. Он отряхнул брюки, хотя на них и пылинки не висело, постучал одной сандалетой о другую, ту же не существующую пыль сбивал, и сказал задумчиво: – На эту неделю вам почетное задание вышло. Подгонят вам послезавтра речной трамвайчик. Это машина председателя профкома с «ПАЗика». У посуды этой трещина по левому борту. Зацепил под берегом свежую корягу. А шел под десять узлов. Продрал как щеку бритвой. Надо по уму сделать, со шпаклей, потом клеим яхтовым, потом грунтанёте и краску такую же, как на всем трамвайчике – на два слоя валиком. Краску завезут они сами. А яхтовый клей Морозов завтра закинет. Четыре трехлитровых бадейки.

И он уже повернул половину себя в обратную сторону, туда, откуда возник. В темноту. И вот только тогда Евгений равнодушным тоном, нехотя так, как будто только что вспомнил, лениво произнёс:

– Ватаг, у нас тут новенький приبلудился. На месяц – поработать. Копейку сбить у нас по трудовому. Паспорта нет. Домой добирается. В Казахстан. После учёбы он. Поехал из Москвы в Нижний устраиваться в редакцию. Он корреспондент. Ну, а по дорогам тут помотался и передумал в Нижнем работать. Домой хочет. А денег нет. Подмогнем парню? Месяц повкальвает – так всем и легче будет.

Ватаг повернулся спиной, пошел тихо в темноту и спросил по пути:– Звать как?

– Станислав.

– Поляк, что ли?

– Поляк. По матери.

– Ну, пойдй ко мне, поляк по матери. Станислав.

И он утонул, растворился в густой темной прохладе позднего вечера. Я поднялся и быстро пошел на шорох сандалет и удалявшееся шумное дыхание полного, большого ранга человека, Предводителя биндюжников, бурлаков и беглых нарушителей советских законов и коммунистической морали. Метров через тридцать я его догнал. Музафаров остановился и, не поворачивая головы, спросил тихо: – Грехи есть за тобой? Украл чего или пришлёпнул кого? Паспорт, конечно, украли? Напился, а паспорт выдернули вместе с лопатником?

Пришлось опять всё рассказывать. Коротко и схематично. Без эмоций.

– Не врешь. Слышу. – Ватаг посопел с минутку и так же тихо, едва слышно сделал заключение: – Много тебе не заплачу. Паспорта нет, значит, и денег меньше будет. Но доехать до какого города, говоришь?

– До Кустаная, ватаг.

Доехать денег дам в обрез. Но дам. Через месяц. А пока иди к пацанам. Скажи, ватаг тебя принял. Ну, давай, спать иди. Отдохни. Завтра краску будете спускать в бочках с берега. Женьке, заму моему, скажи, что пайки пока на тебя нет. Кто ж знал? Пусть со своих кормят.

И он ушел, не попрощавшись.

– Наверное, родственники есть в Англии, – хмыкнул я и счастливый пошел назад, на шесть мерцающих папиросных огоньков. В новую пошел жизнь.

Глава восьмая

Пока в гулких от близких волн сумерках я вымаливал у бугра хоть какую, но таки зарплату за неведомый пока труд, пока мы таинственно, не видя толком друг друга, обозначали и утверждали громким шепотом мою судьбу на ближайший месяц, прошло минут десять от силы. И когда, одухотворенный живой надеждой, я шустро шел обратно на папиросные маячки, как раз посередине тускло тлеющих огарков «Севера» вспыхнул внезапно большой огонь. С пламенным гребнем и треском торопливо горящих досок от ящичков и сухих веток прибрежного кустарника. Тут же долетел до носа и удушливый запах солярки, с помощью которой мужики, по-моему, втрое ускоряли процесс приготовления лучшего и полезного за весь вечер мероприятия – ужина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.